

Роберт А. Уилсон

И ОБРУШИЛАСЬ СТЕНА

ПАНОРАМА

Крыши Бостона и Кембриджа на фоне ночного неба. Жутковатая электронная музыка.

По пустынной пригородной улице Кембриджа мчится автомобиль.

Через окно автомобиля мы видим Майкла Эллиса, бородатого мужчину средних лет, профессорского вида, явно охваченного сильнейшим беспокойством.

Машина останавливается. Визжа тормозами. Темп музыки ускоряется, и она становится всё более зловещей. Майкл выскакивает из машины и, забыв закрыть дверцу, несётся по лужайке к высокому дому в новоанглийском стиле.

Майкл барабанит в дверь дома.

ВНУТРИ ДОМА

Темнота. Внезапно вспыхивает свет, и на верхней ступени лестницы мы видим Саймона Селина в халате поверх пижамы, не вполне проснувшегося и раздражённого, со всклокоченной бородой.

Саймон. Слышу, слышу, слышу – иду (*про себя*). Но если это не извещение из нобелевского комитета, я тебя пристрелю.

УЛИЦА

Ещё одна машина останавливается за автомобилем Майкла. Камера приближается к окну машины. Мы видим простоватого, но хорошо одетого мужчину, который вполне может быть полицейским или агентом ФБР.

Мужчина (*в микрофон*). Объект вошёл в дом на Луис-Лейн. Адрес: два девять девять три.

КУХНЯ САЙМОНА

Саймон готовит кофе. Майкл сидит на стуле, едва способный контролировать своё состояние неестественного возбуждения.

Майкл. Ты психолог. Ты должен сказать мне, сумасшедший я или нет. Если я не сумасшедший, это величайший переворот в науке нашего времени.

Саймон (*одобрительно, дружелюбно*). Ты не похож на сумасшедшего, Майк. По-моему, ты просто переживаешь какой-то травматический шок. Я видел людей, которые выглядели гораздо хуже после инспекции из Федерального налогового управления.

Он ставит на стол две чашки кофе.

Саймон (*полностью проснувшийся, "объективный профессионал"*). Почему бы тебе не рассказать мне обо всём с самого начала?

Майкл. Боже, это тянется долгие годы. Может быть, всю мою жизнь. Впрочем, ладно... страх появился в прошлом году. Ты был у нас в тот вечер вместе с Три. Помнишь – я вёл себя не очень-то хорошо...

Затемнение.

ГОСТИНАЯ

Зритель видит экран телевизора. Идёт передача о паранормальных явлениях. Всё внимание сосредоточено на мужской руке, которая держит ключ. Жутковатая музыка.

Майкл (*за кадром*). Всё началось с того липового экстрасенса – Стоковского или как там его звали...

Мы наблюдаем, как ключ очень медленно начинает изгибаться кверху.

Саймон (*за кадром*). По-моему, Кажинский...

Ключ тем временем окончательно выгнулся вверх, образовав изящную, плавную параболу.

Ведущий телепрограммы (*за кадром*). Согнула ли этот ключ сила разума – психическая сила, – как утверждает мистер Ковальский? Или же мистер Ковальский просто ловкий фокусник, как считают скептики?

Майкл Эллис (*за кадром*). Экое дерьмо собачье! Если он не мошенник, то я готов показать голую задницу архиепископу в день Святого Патрика!

Телевизионная камера отъезжает, показывая ведущего, который держит ключ, и мистера Ковальского, лысого, ничем не примечательного человека, из всех сил пытающегося выглядеть

отстранённо и загадочно. Наша камера тоже отъезжает, и мы попадаем в гостиную Майкла и Кэти Эллисов.

Видно, что уровень жизни выше характерного для среднего класса, но во всём заметен беспорядок: повсюду стопки бумаг и беспорядочные кучи книг. Оба, Майкл и Кэти, профессора. Обоим за пятьдесят, но оба "хорошо сохранились". У него слегка седеющая борода, но он явно из тех профессоров, которые ходят на футбольные матчи. Её огненно-рыжие волосы тронуты проседью, но одета она, что называется, "чувственно". Импрессионистские картины на стене демонстрируют вкус Кэти; афиша сериала "Стар Трек" свидетельствует о до сих пор неизжитом мальчишестве Майкла.

Майкл изо всех сил жмёт на кнопки пульта дистанционного управления, и на экране телевизора появляется Джонни Карсон¹. Мы не слышим, что он говорит, из-за спорящих Майкла и Кэти.

На третьем стуле, в дальнем углу сидит профессор Саймон Селин; он лет на десять моложе Майкла и Кэти и очень внимательно наблюдает за их спором.

Рядом с Саймоном – Три, девушка-аспирантка, очень сексуально привлекательная. Она сидит, закинув ногу на ногу, и эти ноги стоят того, чтобы на них посмотреть.

Кэти (самоуверенная эмансипированная леди). Чёрт возьми, Майк, я хотела досмотреть.

Майкл. Зачем? Набивать мозги всякой чепухой? Любой фокусник в цирке смог бы выполнить такой трюк.

Саймон с интересом наблюдает за тем, как развивается спор.

Кэти. Благодарю покорно, но позволь мне самой решать, что такое чепуха. Я уже совсем взрослая девочка. Мама разрешает мне самой сморкаться, самостоятельно ходить в туалет и всё такое прочее.

Майкл (рассудительно). Кэти, дорогая, ты же учёный.

Кэти. Так это означает, что я должна быть фанатиком? А я-то думала, что совсем наоборот.

Майкл (выходит из себя). Господи... эти женщины! Женский ум! Вторая ошибка Бога!

Кэти (шагнув к нему и выговаривая прямо ему в лицо). Господи... эти мужчины! Мужской ум! Первая ошибка Бога!

Майкл. Давай не будем снова начинать войну полов. Ты знаешь, что этот парень, Вакальский, – мошенник. Зачем ты стараешься мне досадить?

ТРИ КРУПНЫМ ПЛАНОМ

Значительную часть кадра занимают её длинные ноги, прикрытые мини-юбкой.

Кэти. Я мечтаю, чтобы хоть раз в жизни я могла быть в чём-то так же уверена, как ты всегда уверен во всём!

Майкл. Ты занимаешься математической физикой или ты цыганская гадалка?

Кэти. А ты занимаешься математической физикой или ты Папа Римский?

Пауза, пока они испепеляют друг друга взглядом.

Джонни Карсон (с телеэкрана). От скуки мы как-то подъехали к одному мотелю и начали орать у входа: "Полиция нравов!", – а потом побежали во двор смотреть, как евангелисты выпрыгивают из окон в одних трусах.

Саймон находит это смешным и неистово хохочет. Майкл и Кэти тоже начинают смеяться, и напряжение временно спадает.

Майкл. Ладно, ну его к чёрту, – эта экстрасенсорная чепуха даже забавна... Единственное, что не забавно, – так это то, что некоторые люди воспринимают всё всерьёз. И это меня пугает.

Три (гнусавым бесполом голосом). Правильно, ребята. Поцелуйтесь и помиритесь. Ссоры создают плохую карму.

Майкл вручает пульт дистанционного управления Кэти с церемонным поклоном.

Кэти (шутливо, напуская на себя официальный вид). Спасибо, доктор Эллис.

Майкл (тоже напуская на себя сдержанность). Пожалуйста, доктор Эллис.

Они целуются. Три довольно ухмыляется. Кэти щёлкает кнопками пульта.

НА ТЕЛЕЭКРАНЕ – ДОКТОР ДЖИН СКОТТ

Этот самый заядлый телевизионный евангелист сегодня в ударе, на голове его весьма фривольная шляпа. Он попыхивает сигарой и увлечённо ораторствует.

Доктор Скотт. ...на любой странице Библии, от Бытия до Откровения. Вы можете прочитать каждое предложение и ни единого разу не найдёте слов "аудиторская проверка". Это не есть часть слова Божьего.

Кэти (за кадром). Чёрт, эта штука опять не работает.

Майкл (за кадром). А ну, дорогая, дай-ка его мне.

¹ - Ведущий популярных американских телепрограмм "Кому вы доверяете?" и "Ночное шоу". – Здесь и далее прим. перев.

Доктор Скотт (с телеэкрана). А другое доказательство того, что Федеральное налоговое управление – это Зверь 666...

Щелчок. Полосы на телеэкране. Снова первоначальный канал. В телевизионной студии ведущий сидит в кресле, лицом к Коренастой Маленькой Домохозяйке.

Ведущий. И как давно продолжается ваш ченнелинг с мистером... э-э... Гонадой?

ГОСТИНАЯ ЭЛЛИСОВ

Майкл и Кэти снова заняли свои места. Майкл нервно прикуривает сигарету. Мы видим телевизионный экран примерно так же, как видят они.

Домохозяйка. Он не называет себя мистер Гонада. Просто Гонада. Порой он представляется как Конан Варвар. Мне кажется, это какой-то титул. Не забывайте, что он жил сто тысяч лет назад.

Саймон снова развеселился и едва сдерживает смех.

Саймон. Конан Варвар!

Ведущий. Гм, н-да. И как давно вы находитесь с ним в контакте.

Кэти (Саймону, но, безусловно, это предназначено и для ушей Майкла). В это верит большинство американцев, Саймон. Нам следует попытаться понять это вместо того, чтобы стоять в сторонке и чувствовать своё превосходство.

Майкл (с серьёзной миной на лице). Верно. А если в их слабоумные головы снова придёт мысль сжигать на кострах ведьм и евреев, нам тоже следует сохранять открытость ума и...

Три. Эй, профессор Эллис, то, что мы мыслим иначе, чем вы, вовсе не означает, что мы нацисты...

Саймон. Майк, ты успокоись наконец? Дай посмотреть, а твои комментарии послушаем потом.

На экране телевизора ведущий и Домохозяйка всё ещё беседуют.

Ведущий (с телеэкрана). А не могли бы вы устроить сеанс ченнелинга с... э-э... Гонадой прямо сейчас для нашей аудитории?

Майкл. Я буду сидеть тихо, как мышка. Или как добропорядочный бюргер.

Кэти (тихо, с нажимом). Слушай, Майкл!

Три (сдержанно, снисходительно). Все высокоразвитые существа помнят свои прошлые жизни.

Саймон. Три, не усугубляй ситуацию.

Майкл (неожиданно нападает). А вас на самом деле зовут Три², юная леди?

Три (готова защищаться). Да, и у меня есть сестра по имени Лиф и брат, которого зовут Бад³.

Майкл. Возьму на себя смелость предположить, что ваши родители были в Вудстоке⁴.

Три. Вудсток, демонстрация у Пентагона... славные шестидесятые...

Майкл (решив быть учтивым). Три, Лиф и Бад. А своего первенца вы назовёте Сидом⁵?

Их голоса заглушают Домохозяйку, но мы видим, что она начинает входить в транс.

ТЕЛЕЭКРАН

Домохозяйка на телеэкране проваливается в сон, затем на её лице возникает новое выражение. Она снова открывает глаза и начинает вещать, абсолютно неубедительно подражая мужскому голосу.

Домохозяйка. Я, Конан, приветствую вас, людей того, что вы называете двадцатым веком, по ту сторону магического ящика с картинками.

Майкл. Надеюсь, она не обращается к мусульманам. У них-то сейчас тринадцатый век. А у европейцев...

Саймон. Ради бога, Майк... и ради всех нас...

Домохозяйка (с телеэкрана). Я пришёл, чтобы рассказать вам о том, что всё едино. Чёрный человек и белый человек – братья. Женщина – это душа или, как вы бы сказали, магнитный полюс мужчины. Нет никаких границ. Те, кого вы называете инопланетянами, – это ваши внутренние души.

ГОСТИНАЯ ЭЛЛИСОВ

Три. Ух ты, здорово. Оказывается, секс – это магнитное поле.

Майкл, забывшись, открыто любит ногами Три.

Кэти замечает, куда направлен взгляд Майкла, и выглядит расстроенной. Очевидно, она думает о том, что ей уже за пятьдесят, а Три лишь около двадцати двух.

Майкл увидел, что Кэти заметила его эротические фантазии и закашлялся от табачного дыма.

² - Англ. "дерево".

³ - Англ. "лист" и "почка".

⁴ - Игра слов. Вудсток – место проведения эпохального рок-фестиваля в 1969 г. Само слово *woodstock* можно перевести как "древесный ствол".

⁵ - Англ. *seed* – "семя".

Майкл (*громко*). Как можно пролежать мёртвым сто тысяч лет и до сих пор оставаться таким занудой? Боже мой – секс и магнетизм! Да в пятидесятые годы, когда я был юнцом, это уже было затасканное сравнение...

Три (*гнусаво, искренне не замечая немой сцены между Майклом и Кэти*). Вы не понимаете. Это как *Инь* и *Ян* в Китае...

Майкл (*охотно подхватывает*). А также *Пунь* и *Тан* в Японии! А ещё *Шалтай* и *Болтай* в Англии!

Три заметно обижена. Саймон наклоняется, чтобы погладить её руку, и начинает говорить. Мы видим, как Майкл исчезает из кадра, а затем слышим, как хлопает дверь. Камера отъезжает, давая нам убедиться, что Майкл выбежал из комнаты в припадке раздражения. Кэти делает шутливый успокоительный жест в сторону Три.

Саймон. Ничего, Кэти. У всех творческих личностей бывают такие... настроения.

Кэти. Это ты говоришь как психолог?

Саймон. Это я говорю как друг.

Кэти (*серьёзно и обеспокоено*). Чем ближе к старости, тем чаще у него бывают такие... настроения.

Три. Наверное, он ест слишком много мяса. У вегетарианцев не бывает таких резких перепадов настроения. И ещё кофе. Давайте ему кофе без кофеина.

Домохозяйка (*с экрана телевизора*). Вы вмещаете в себя безграничное пространство и его бесчисленные звёзды. На дне Ада находятся ступени Рая.

СПАЛЬНЯ ЭЛЛИСОВ

Майкл, взбешённый, расхаживает по комнате. Он закуривает очередную сигарету. Затем останавливается и рассматривает руку, с удивлением замечая, что она дрожит. Камера наезжает на лицо Майкла, пока он смотрит на свою трясущуюся руку. В его глазах можно прочесть лишь классическую научную отстранённость: он наблюдает за всплеском собственных эмоций.

СНОВА КУХНЯ САЙМОНА СЕЛИНА

Майкл. Я понимал, что нахожусь в состоянии сильнейшего возбуждения – все классические фрейдовские симптомы: учащённое сердцебиение, дыхательная аритмия, головокружение, – но я не понимал почему. Я был готов на стенку броситься... а почему... сам... не знал...

Саймон (*осторожно*). Тебя привлекла женщина гораздо моложе тебя...

Майкл. Да, но... Я вдруг начал вспоминать нечто такое, что давно забыл... и это меня испугало...

ГОРА В ИЕРУСАЛИМЕ

Этот кадр мелькает настолько быстро, что никто не успевает толком его разглядеть. Майкл в одеянии римского центуриона, на тридцать лет моложе и безбородый, втыкает меч в распятого человека. На одежду Майкла брызгает кровь. И сразу же:

ОЧЕРТАНИЯ КРЫШ КЕМБРИДЖА НА ФОНЕ НЕБА

Майкл (*за кадром*). Это осталось со мной... Я чувствовал, что чуть было не отогнул уголок вселенной... знаешь, как отгибают уголок вселенной... знаешь, как отгибают уголок ковра, чтобы посмотреть, что там под ним...

УЛИЦА В КЕМБРИДЖЕ

Лёгкая музыка. Майкл направляется в сторону Массачусетского технологического института с портфелем в руке. Он проходит мимо газетного киоска, и в фокусе наезжающей камеры появляется крупным планом заголовок дешёвой бульварной газеты:

**РЕБЁНОК РОДИЛСЯ С ЕГИПЕТСКИМ БРАСЛЕТОМ
СЕНСАЦИОННОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО РЕИНКАРНАЦИИ**

Звучит фальшивый музыкальный аккорд, и камера показывает Майкла, лицо которого выражает раздражение и отвращение.

Майкл (*за кадром*). Это было всё равно что находиться в нацистской Германии... зная, что тебя ждёт...

ДРУГАЯ УЛИЦА В КЕМБРИДЖЕ

Рождественская музыка. Майкл и Кэти выходят из универмага, нагруженные покупками. Камера наезжает на ещё один заголовок бульварной газеты:

БОМБАРДИРОВЩИК ВРЕМЁН ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ОБНАРУЖЕН НА ЛУНЕ! УЧЁНЫЕ НЕДОУМЕВАЮТ!

Звучит фальшивый музыкальный аккорд, и камера показывает Майкла, на лице которого написано раздражение и отвращение.

ЕЩЁ ОДНА УЛИЦА В КЕМБРИДЖЕ

Звучит рок-музыка. Майкл и Саймон выходят из бара. Который нам предстоит часто видеть в этом фильме. Оба навеселе. Камера наезжает на третье бульварное хайку⁶:

УЖАСНЫЙ РАССКАЗ ЖЕНЩИНЫ:

"МЕНЯ ИЗНАСИЛОВАЛИ ЛИЛИПУТЫ С МАРСА!"

Звучит фальшивый музыкальный аккорд, и камера показывает Майкла, лицо которого выражает раздражение и отвращение.

Майкл (за кадром). Я словно путешествовал в прошлое... Вокруг меня возрождалось мрачное раннее средневековье.

И ЕЩЁ ОДНА УЛИЦА В КЕМБРИДЖЕ

Майкл выходит из парикмахерской и видит очередной газетный заголовок:

СУМАСШЕДШИЙ ГОРБУН ПРОДАЛ СВОЙ ГОРБ МЯСНИКУ. ЖЕНЩИНА ОТРАВИЛАСЬ ХАНЧБУРГЕРОМ⁷.

Звучит фальшивый музыкальный аккорд, пока заголовок увеличивается во весь кадр; на этот раз мы даже не видим реакции Майкла.

ОГРОМНАЯ АУДИТОРИЯ В ГАРВАРДЕ

В помещении полным-полно камер и прочей журналистской аппаратуры. Учёные (все белые мужчины средних лет) сидят за столом перед аудиторией. На их нарукавных повязках – надпись SSA, причем буквы SS изображены в виде двух зигзагов молнии. Надпись на флаге над столом расшифровывает это сокращение SCIENTIFIC SKEPTICS ASSOCIATION (АССОЦИАЦИЯ УЧЁНЫХ-СКЕПТИКОВ). Майкл, стоя на подиуме, зачитывает заявление для прессы. Звучит музыка: "Ода к радости" Бетховена.

Когда музыка стихает, мы начинаем слышать слова доклада Майкла.

Майкл. ...и создаётся впечатление, что возвращаются все суеверия мрачного средневековья. Астрология, самая абсурдная из всех псевдонаук. Реинкарнация, последняя надежда всех неудачников. Бредовая "загадка НЛО", современная форма примитивных культов. В этой атмосфере некоторые из нас, представители научного сообщества, сочли необходимым напомнить миру об уроках, которые ему следовало выучить ещё в восемнадцатом столетии. Ценность здравого смысла, осторожности, скептицизма...

В ГЛУБИНЕ ЗАЛА

Рядом стоят газетный репортёр и телеоператор.

Репортёр. А что это за тип на трибуне?

Оператор. Доктор Эллис. Большая шишка на физическом факультете Гарварда. Работает также на правительство и на Массачусетский технологический институт.

Майкл (за кадром). Ассоциация Учёных-Скептиков станет своего рода полицией, выискивающей мошенничество и обман в так называемых нью-эйджевских культах, которые, большей частью, служат оплотом возрождения средневековых суеверий...

Его голос слышен в начале следующего кадра.

БАР В КЕМБРИДЖЕ

Стены покрыты компьютерными фракталами (тем, кто их не узнаёт, они кажутся современной живописью).

Майкл выходит из мужского туалета и сталкивается с Три, снова весьма сексуально одетой. Она держит в руках книги по Таро и астрологии.

Майкл. О, добрый вечер, мисс Форест.

Три. Три. Не Форест. Всего лишь три.

⁶ - Хайку – японская поэтическая форма.

⁷ - Англ. *hanch* – "горб"; ханчбургер – сэндвич с толстым куском мяса.

Майкл (*подмигивая*). Никому не говорите. Все мои недоброжелатели на факультете будут сплетничать. Что я не отличаю леса от дерева⁸.

Три (*берёт быка за рога*). Хотите угостить меня пивом?

Майкл. Э-э, я... м-м...

Камера медленно движется вдоль крутых форм юного тела Три. Затемнение.

В АВТОМОБИЛЕ

Мы на переднем сиденье двудверного кабриолета с откинутым верхом. За рулём Майкл. Они с Три находятся в состоянии бурной весёлости. Машина разгоняется.

Майкл (*не помня себя от радости*). Последний раз я курил это в шестидесятые годы.

Три (*хихикая*). Я думала, ты из тех типов, которые никогда не баловались травкой.

Майкл. В шестидесятые нам приходилось. Иначе студенты сочли бы нас кучкой старперов.

Три. Тебя – старпером?

Это вызывает у обоих новый взрыв смеха.

МАЙКЛ И ТРИ КРУПНЫМ ПЛАНОМ

Оба ритмично дышат, хотя за её спиной виден астрологический календарь и совершенно очевидно, что они находятся в прямом положении.

Три. О... а-а-а-а боже, боже...

Камера отъезжает на достаточное расстояние, чтобы мы увидели: они занимаются любовью на учебном столе, заваленном книгами. Она по-прежнему почти полностью одета; брюки Майкла припущены.

КОМНАТА ТРИ

Из стереосистемы ревет панк-рок. В глубине комнаты на большом матрасе, расстеленном на полу, Майкл и Три снова занимаются любовью.

ЛИЦО МАЙКЛА

Ясно, что он на пороге очередного оргазма. Камера отъезжает и показывает, что он сидит на матрасе совершенно голый. Мы мельком замечаем голову Три, которая движется вверх и вниз над его пахом. Кульминационный взрыв панк-рока.

КОМНАТА ТРИ

Мы слышим голос Три ещё до того, как она появляется в кадре, сидя на матрасе и накинув на себя покрывало, чтобы не замёрзнуть. Майкл растянулся рядом, докуривая сигарету с марихуаной.

Три (*очень тихо, менее гнусаво, напряжённо*). ...поэтому я опять раскинула карты. И вновь выпала Смерть. Я ощущала, как у меня понемножку съезжает крыша. Я перетасовала их пять или шесть раз, снимала колоду и заново тасовала... но Смерть выпала в третий раз. Я быстренько собрала вещички и слиняла оттуда. Некоторое время жила с лиф в Беркли. Потом услышала о пожаре – погибли все, кто находился в этом здании. Все мои друзья в Энн-Арборе. Если бы я там осталась, тоже бы изжарились. Ты можешь оставаться при своём научном скептицизме, профессор. Но это был тот случай, когда мои "предраасудки" спасли мне жизнь.

Она оборачивается и смотрит на него сверху вниз.

Три. Эй, разве ты не собираешься мне сказать, что это было простым совпадением?

Майкл. Нет, не сейчас. Не в тот момент, когда ты заново переживаешь это горе.

Она сворачивается калачиком в его руках. Он нежно её обнимает. Камера медленно наезжает, и мы видим странное, заинтересованное выражение в его глазах. Затемнение.

ПИЦЦЕРИЯ В КЕМБРИДЖЕ

Стены увешаны плакатами с изображением Джона Леннона и Джеймса Дина. Из музыкального автомата раздаётся песня Сиды Вишеза и "Секс Пистолз". На большом щите надпись: "ОТВЕДАЙ НАШУ НАТУРАЛЬНУЮ ВЕГЕТАРИАНСКУЮ ПИЦЦУ".

Входят Майкл с Саймоном Селином. В ожидании, пока их посадят, они продолжают спор.

Саймон. Майк, хорошо, хорошо – я не столь посвящён в таинства физики, как ты. Я всего-навсего скромный психиатр. Я это признаю. Но, чёрт побери...

⁸ - Игра слов forest – "лес", tree – "дерево"

Майкл (*возбуждённый, но с напускной невозмутимостью*). Саймон, Саймон. Да послушай же минутку.

Саймон. Но, чтобы получить степень, мне пришлось перерывать такую же гору статистики, как и тебе. Я добросовестно выполнял исследование, применяя общепринятые статистические методы. И ты просишь меня всё это похоронить? Скрыть?

Подходит официантка.

Официантка (*решив обращаться к Саймону*). Столик для курящих или для некурящих, сэр?

Майкл (*с каменным лицом, твёрдо*). Для курящих, белых, протестантов.

Официантка (*недоумённо*). Прошу прощения, сэр?

Майкл (*по-прежнему бесстрастно*). Для курящих, белых, протестантов.

Официантка (*поражённая до глубины души*). Это невозможно, сэр. Правилами не предусмотрено.

Майкл (*ледяным тоном*). Если уж вам навязывают дискриминацию, я хочу выбрать свою собственную форму дискриминации. Для курящих, белых, протестантов. Курящих только сигареты с фильтром. Чтобы никаких черномазых в радиусе десяти столиков, пусть даже они адвентисты седьмого дня или свидетели Иеговы.

Саймон (*уговаривает*). Перестань, Майк. Ты ведь злишься на меня, а не на неё.

Майкл (*с металлом в голосе*). Я не злился, доктор Селин. Я просто стараюсь заставить вас посмотреть в корень.

Саймон (*официантке*). Для курящих, пожалуйста.

ЗА СТОЛИКОМ В ПИЦЦЕРИИ

Саймон и Майкл пьют пиво. Майкл курит. На стене за ними висит ещё один плакат, на нём двое учёных изучают графики, выползающие из какой-то сложной аппаратуры. Подпись гласит: "Кто думает, что он понимает эти данные, тот просто говнюк".

Саймон. Ты и твои коллеги по SSA наняли меня, чтобы я провёл исследование. Я его провёл. Оно не вписалось в рамки твоей предвзятой схемы. И...

Майкл. Дело не в предвзятости, Саймон. Речь идёт о том, чтобы не шагнуть прямиков в открытый люк...

Саймон. Чушь собачья. Гоклен обнаружил, что некоторые астрологические предсказания оказались в точности справедливыми для европейцев, которых он выбрал случайным образом. SSA наняла меня для проведения объективного изучения сравнительных данных. Я провёл это объективное исследование и обнаружил, что те же самые астрологические предсказания в точности справедливы для выбранных случайным образом американцев. Ты хочешь, чтобы я утаил результаты своего исследования. Если это не предвзятость, то как, чёрт побери, это назвать по-другому?

Майкл. Чёрт побери, Саймон, никто тебе не говорит, что ты должен отправить свои данные коту под хвост. Но твои результаты иррациональны и необъяснимы. Мы просто хотим, чтобы ты на некоторое время отложил публикацию, пока не будут проведены дальнейшие исследования. Это не предвзятость. Это естественная научная предосторожность.

Саймон. Когда кто-нибудь говорит, что статистические результаты иррациональны, это означает, что они угрожают его предвзятому мнению и точка.

Майкл. Чёрт возьми, ты говоришь так, как будто веришь в астрологию.

Саймон. Не верю. Но ты меня не слушаешь. Суть ведь не в том, истинна или ложна какая-то конкретная часть астрологии. Суть в том, признаём ли мы факты в целом, как они есть, или отмахиваемся от тех, которые не понимаем.

Майкл. Но... но...

Саймон (*с меньшей горячностью, больше как психиатр*). Майк, серьёзно, тебе следовало бы задаться вопросом, чего ты на самом деле опасаться? Ты же сердился не на официантку, а на меня. И ты боишься не этой несчастной статистической корреляции, а того, что она символизирует.

Камера приближается к Майклу, показывая его крупным планом.

Майкл (*деланно смеётся*). Я пришёл к тебе на сеанс психоанализа, доктор Селин. Кроме того, мне казалось, что ваша братия ещё двадцать лет назад отказалась от Фрейда в пользу химикалий.

Саймон. У каждого из нас есть свой железный занавес, который мы боимся приподнять... Однажды тебе придётся посмотреть этому факту в лицо. Но всё же, чего ты так сильно боишься?

Майкл (*больше не сдерживается, раздражённо*). Хватит, прекрати эти свои знахарские штучки-дрючки! Надоело!

Он резко поднимается из-за стола, чтобы уйти, и внезапно меняется в лице.

Саймон (*с мгновенным участием друга*). Майк, Майк, что с тобой?

Майк снова опускается на стул.

Майк. Зуб заболел... Господи! Никогда не думал, что может быть так больно... должно быть, абсцесс... О, боже, о...

Саймон. Ты всё ещё лечишься у доктора Райли?

Майкл (*едва способный говорить*). Да.

Саймон. Я позвоню ему и скажу, что у тебя острая боль. А пока выпей-ка вот это.

Он протягивает через стол пузырёк с лекарством.

Майкл. Что это?

Саймон. Обезболивающее. Аналог кодеина. Ты почувствуешь сонливость, но это не страшно. Я тебя заброшу к Райли. И позвоню Кэти, чтобы она потом за тобой заехала – у меня через час лекция.

Майкл (слабо усмехаясь). Спасибо, хоть не говоришь, что это психосоматическое.

Саймон (без тени улыбки, обеспокоенный). Подумаешь об этом на досуге. А сейчас самое главное – унять твою боль.

Саймон выбегает к телефону-автомату у входа в пиццерию.

ВИД СНИЗУ

В кадре доминируют руки Майкла. Камера фокусируется на его правой руке, в которой он держит пузырёк с лекарством, изо всех сил стараясь открутить колпачок.

Майкл (за кадром). очередной дурацкий колпачок типа "защита от взрослых". А они их называют "защита от детей". Какая чушь. На свете нет такого ребёнка, который не смог бы открыть такой пузырёк, обладая достаточным любопытством и терпением. Взрослый – вот он-то обычно и отказывается от борьбы со словами: "Да ну его к чёрту, не так уж мне нужны эти пилюли". Но нет, мне они нужны позарез. Я открою этот чёртов флакон, если даже мне придётся разбить его о стол.

Внезапно колпачок слетает с пузырька и таблетки веером рассыпаются во все стороны. Майкл приходит в неопишное раздражение. Затемнение.

КАБИНЕТ ДАНТИСТА

Камера находится в том же кресле дантиста, где сидит Майкл Эллис. Мы видим то, что видит он: уголок стены, потолок и лицо доктора Райли. Дантист надвигается на камеру (на Майкла) с каким-то сюрреалистическим, зловещего вида инструментом, невиданным в земных стоматологических клиниках.

Доктор Райли. Откройте шире, пожалуйста.

Инструмент приближается вплотную, изображение теряет резкость и постепенно исчезает.

В АВТОМОБИЛЕ

Камера расположена на пассажирском месте, где сидит Майкл Эллис, справа от ведущей машину Кэти. Мы видим обычные пейзажи центра Кембриджа, затем очень короткий странный кадр – на улице появляется поезд, его двери открываются и почётный караул сгружает гроб, завернутый в американский флаг.

Кэти (за кадром). Как мы себя чувствуем, дружок?

Камера поворачивается в противоположную сторону, чтобы взглянуть на Кэти.

Майкл (за кадром). По-моему, у меня галлюцинации. Точнее, я знаю, что у меня галлюцинации.

По капоту машины проносятся тени птиц. Зловещая музыка.

Кэти (бодро, по-деловому). Это действует пентотол натрия. Тебя же предупредил доктор Райли, помнишь? Восемьдесят один процент всех пациентов...

Майкл (за кадром). ...испытывает галлюцинации. Я помню. И ещё я принял какой-то чёртов аналог кодеина. Темп музыки ускоряется по мере того, как маленькое пятнышко света перед машиной расширяется до размеров гигантского, сверкающего всеми цветами радуги веретена, которое быстро вспыхивает-гаснет, слегка напоминая НЛО, затем закрывает экран.

ГОСТИНАЯ ЭЛЛИСОВ

Камера находится на том же месте, что и Майкл, лежащий на кушетке. Майкл осторожно оглядывается, затем расслабляется и смотрит в потолок. Над ним склоняется Кэти.

Кэти. Тебе удобно, Майк?

Майкл (за кадром, сонно бормоча). Порядок. Боль пока не вернулась.

Кэти. Я поставлю что-нибудь из Баха. Если уж тебе не избежать галлюцинаций, то почему бы им не быть приятными. Верно?

Между Кэти и камерой под монотонное жуужжание одной музыкальной ноты появляется сердитое лицо гигантского осоеда⁹.

Майкл (за кадром, неуверенно). Ага... верно...

Кэти выходит из кадра. Слышится жуужжание вставляемого компакт-диска. Звучат первые аккорды "Прелюдии и фуги" Баха.

Кэти (за кадром). Зови меня, если тебе что-то понадобится.

⁹ - Осоед – птица из семейства ястребиных.

Слышен звук шагов Кэти, удаляющейся в другую комнату. По-прежнему звучит Бах. В течение десяти секунд (публике, ожидающей действия, кажется, что это тянется дольше) камера неподвижно направлена на угол потолка.

Майкл (за кадром). Кэти... (Пауза)... Не слышишь... Ну ладно, я в порядке. Правда, всё хорошо. Я же знаю, что всё хорошо...

ВИД С ПОТОЛКА

Мы смотрим вниз на комнату и видим Майкла, лежащего на кушетке. Его глаза закрыты, и, когда он снова говорит, его губы не шевелятся.

Майкл (за кадром, восторженно, хотя и обеспокоенно). Посмотреть на себя со стороны... Это, джентльмены, называется внетелесным опытом. Конечно, это просто галлюцинация. Мы здесь профессиональные учёные, и нас не введёт в заблуждение реакция на лекарство. Так ведь? Так! Абсолютно. (Пауза). Я надеюсь.

ВИД С ВЫСОТЫ ПТИЧЬЕГО ПОЛЁТА

Мы смотрим сверху на дом Майкла и Кэти, расположенный внизу. Мы видим дом, лужайку с живой изгородью из кустарников и подъездную аллею.

Майкл (за кадром). Господи Иисусе! (Пауза). Просто галлюцинация. Помни это. Реакция на лекарство. Кодеин и пентотол натрия. На самом деле ты не находишься вне своего тела, доктор Эллис... Тело лежит в доме... И ты с ним вместе... Как говорится, у нас все дома. (Слабый испуганный стон).

ГОСТИНАЯ

Мы видим Майкла на кушетке. Он полусидит и осматривается.

Майкл (за кадром). Так. Я пока ещё в своём теле. (Пауза). Но ведь я был вне тела, когда я смотрел на дом сверху вниз...

Вставка

Абстрактное пятно телесного цвета с тёмными очертаниями.

У ПОЕЗДА

Почётный караул сгружает с поезда гроб, завёрнутый во флаг. Слышен погребальный сигнал военного горна.

Вставка

Неясное пятно телесного цвета. Камера отъезжает, и мы видим, что это человеческая рука, в которую вгоняется гвоздь.

ГОСТИНАЯ

Майкл уже полностью сидит на кушетке, внезапно оцущая страшный испуг.

Саймон (за кадром). У каждого из нас есть свой железный шлагбаум, который мы боимся приподнять... нет, железный занавес...

САНТА-КРУС, ШТАТ КАЛИФОРНИЯ

Камера движется над холмами Санта-Круса с головокружительной скоростью. Мы приближаемся к комфортабельному длинному одноэтажному дому с пологой крышей и слышим, как звонит телефон. Тревожная музыка.

Майкл (за кадром). Дом, в котором я родился. Ангельский Рим моего детства. То есть, прошу прощения, мир моего детства.

ХОЛЛ ТОГО ЖЕ ДОМА

Камера показывает холл, наезжая крупным планом на телефон, затем отъезжает обратно, и мы видим мальчика – Майкла Эллиса в двенадцатилетнем возрасте, – снимающего телефонную трубку. Он держит её около уха. Крупный план: трубка и ухо мальчика. Мы слышим. Как чей-то мелодичный, как будто ангельский голос говорит с мальчиком. Тревожная музыка.

Таинственный голос. Приветствую тебя вновь, Майкл. Говорит твой друг сверху. Ты хорошо занимаешься в школе, и мы тобой довольны, но ты должен уделять больше внимания...

Майкл (с детской прямоотой). Ты и вправду ангел? И умеешь летать?

Таинственный голос (не реагируя на вопрос). ...ты должен уделять больше внимания физике и математике. Помни, что ты наш избранник. Помни, что ты – нашу творение, точно так же, как мы...

На экране появляется рука, выхватывающая трубку из рук Майкла. Камера отъезжает назад и вверх, а мы тем временем слышим

Таинственный голос. ...твое творение. Помни, что мы выбрали только тебя...

Камера показывает мать Майкла, Лауру, встревоженную и страшно рассерженную женщину лет сорока пяти.

Лаура (в трубку). Слушайте, вы, кретин, лучше прекратите это, я вас предупреждаю. Я сообщу в полиция, клянусь, я это сделаю, ненормальный вы сукин сын. Разыгрывать такие шутки с невинным ребёнком, – да вам надо мозги проверить, мистер.

Камера отъезжает, показывая испуганного и растерянного Майкла и настенный перекидной календарь за его спиной с датой: 6 АВГУСТА 1945 года.

Майкл (за кадром). Я не знал, что и думать...

КОМНАТА В СТУДЕНЧЕСКОМ ОБЩЕЖИТИИ КАЛИФОРНИЙСКОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

На стене висит плакат с изображением совсем юного Элвиса Пресли, Майкл Эллис, безбородый, на тридцать лет моложе того зрелого мужчины, который это вспоминает, лежит в постели с Кэти, которая тоже на тридцать лет моложе. Постель разворочена. Майкл курит сигарету, а Кэти жуёт пиццу.

Майкл (продолжая). Я имею в виду, что я доверял своей матери, но тот парень, что звонил, был в самом деле мистификатором мирового класса. Говорю тебе, он испытывал на мне свои таланты.

Кэти (с лёгким южным акцентом). Довольно гаденькие шуточки, Майк. Сколько же всего раз он тебе звонил?

Майкл. Я уже и не помню. Может быть, шесть или семь. И всё – перед Днём Хиросимы.

Кэти (жуя). Но после того, как твоя мать устроила ему разнос, он перестал звонить?

Майкл (с ноткой сожаления). Совершенно. Больше не слышал от него ни единого словечка.

Кэти (дразня). Спорим, что ты ему верил чуть ли не на все сто? Вот почему ты здесь, в Калифорнийском технологическом, специализируешься в области физики. Как он тебе и велел. Тебе по-прежнему хотелось бы ему верить, ведь так? Разве плохо иметь ангела в своей команде во время сессии?

Майкл (поддразнивая в ответ). Можно подумать, что тебе не хотелось бы быть Избранницей Небес?

Кэти. У нас уже есть один Избранник, Джо Маккарти – так считает мой отец. Не может же быть двух Избранных. Джо послан спасти нас от Безбожных Коммунистов – или от Ужасного Кариеса? Я запомнювала.

Майкл тушит сигарету и снова начинает поглаживать Кэти и чувственно целует её в шею.

Майкл (с притворным смирением). Когда Господь увидел, что нам угрожают Безбожные Коммунисты, Он послал нам Сенатора Джо. Когда Он увидел, что нам угрожает Ужасный Кариес, он послал нам зубную пасту "Нью-Крест". С фторидом чего-то там. Или хлоридом?

Кэти (возбуждаясь, но пытаясь это скрыть). Знаешь, что ни говори, но, если бы ты был настоящим американцем из Теннесси, как я, у тебя было бы больше причин для беспокойства.

Майкл (тоже возбуждаясь). Больше, чем по поводу кариеса или Сенатора Джо?

Кэти (реагируя более явно). О, да, больше... и хуже того... любой добропорядочный баптист тебе скажет...

Камера показывает крупным планом губы Кэти.

Майкл (за кадром). Что же он мне скажет?

Кэти (дыша немного учащённо). Что создания, объявляющие себя ангелами, – это, возможно, дьяволы... демоны из ада – они пытаются в тебя войти и...

Камера неподвижно фокусируется на её губах, набухших от чувственного желания.

Майкл (за кадром). Войти в меня? И?

Кэти (утратив контроль). О, милый, милый...

Майкл (за кадром). Кэти... Кэти... Я люблю тебя...

ВСТАВНОЙ КАДР

Дантист – теперь это лысый карлик – надвигается на нас с инструментом зловещего вида.

Майкл

(ещё раз повторяет за кадром – без интонации и страсти, чувствовавшихся при первом произнесении, просто вспоминая):

Кэти... Кэти... Я люблю тебя...

СНОВА КОМНАТА ТРИ

Майкл и Три занимаются любовью стоя, облокотившись на письменный стол.

КОМНАТА В СТУДЕНЧЕСКОМ ОБЩЕЖИТИИ КАЛИФОРНИЙСКОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

Кровать подпрыгивает верх-вниз, но не из-за страсти Майкла и Кэти. Всё в комнате прыгает вверх и вниз. Кэти и Майкл в ужасе. Ситуация в целом напоминает сцену из фильмов "Изгоняющий дьявола" или "Полтергейст".

БОЛЬНИЧНАЯ ПАЛАТА

Мы видим Кэти во время родов. Она дышит часто и тяжело, но ритмично.

ПЛЯЖ

Мы видим бегущих Майкла и Кэти в купальных костюмах. Рядом с ними лежит маленький ребёнок.

КОМНАТА В ОБЩЕЖИТИИ: СЛЕДУЮЩЕЕ УТРО

Кэти сервирует Майклу завтрак в небольшом алькове.

Кэти (она по-прежнему не избавилась от лёгкого южного акцента). Ну и толчки были ночью. Кажется, было не меньше пяти баллов по Рихтеру.

Майкл (уткнувшись в учебник по физике). Гм. Что?

Кэти (усаживаясь). Я говорю, что ночью было довольно сильное землетрясение.

Майкл (откладывая книгу). Что? Ночью было землетрясение?

Кэти (немного смущённая). Конечно, было. Майкл, что с тобой? Ты ведь не спал. Мы же... ну, сам знаешь... занимались любовью.

Майкл (реагируя болезненнее, чем следовало бы). Да о чём ты говоришь, чёрт побери? Пока я не спал, не было никакого землетрясения.

Кэти (повышая голос). Но не приснилось же мне!

Майкл (закуривая сигарету, нервничая). Должно быть, это всё же был сон, Кэтрин Энн. Клянусь Богом, я не помню никакого землетрясения.

Кэти (с отчаянием и безрассудным упрямством). Но Майк, честно, мы же оба не спали. Мы... занимались любовью...

Они оба застывают с полуоткрытыми ртами, растерянные, опасаящиеся чего-то такого, о чём даже не смеют подумать.

ПЛЯЖ: МАЙКЛ, КЭТИ И РЕБЁНОК

Раздаётся гром. Майкл испуган. Камера фокусируется на ребёнке. Это мальчик; кадр застывает под скорбный погребальный сигнал военного горна.

Затемнение.

ГОСТИНАЯ

Мы смотрим вниз на Майкла, лежащего на кушетке. Наконец-то он заснул и выглядит почти умиротворённым. Тихонько входит Кэти, бросает на него нежный взгляд и, успокоенная, выходит.

Жуткий звуковой эффект. Правая рука Майкла судорожно дёргается.

Майкл (с тоской). Чарли...

Молчание. Он снова проваливается в глубокий сон.

КУХНЯ ЭЛЛИСОВ В КЕМБРИДЖЕ

Утро – через окна льётся солнечный свет. Майкл и Кэти, снова среднего возраста, как и в начале, едят яичницу с беконом.

Кэти. Совсем нет боли, милый? Правда?

Майкл. Как огурчик. Едва могу поверить, что вчера я не пожалел двести долларов на операцию у дантиста.

Некоторое время они едят в молчании. Майкл выглядит смущённым.

Майкл. М-м... э-э... Ты помнишь то землетрясение в Калифорнийском технологическом? Нашу первую совместную ночь?

Кэти. Землетрясение? Какое землетрясение?

Майкл (*слишком уж нетерпеливо*). Разве той ночью не было землетрясения?

Кэти. Разумеется, нет. Как я могла бы такое забыть?

Майкл. Значит, это *было* лекарство. После операции, под этим лекарством, мне вспоминалась моя жизнь, но всё смешалось, перепуталось...

Кэти (*твёрдо*). Я всегда люблю спать с тобой, мой драгоценный Майкл, но ещё никогда под нами не двигалась Земля. Такое бывает только в романах Хемингуэя.

Майкл выглядит невероятно успокоенным, услышав это признание.

КРЫШИ ГАРВАРДА НА ФОНЕ НЕБА

Камера медленно опускается вниз, мимо деревьев в цвету, и показывает студентов, идущих на утренние занятия.

Майкл (*за кадром*). Дело не просто в том, что у меня было две серии воспоминаний... Каким-то образом всё обернулось ещё хуже... Каким-то шестым чувством я знал, что это только начало, лишь первый треснувший шов в материи...

Мы видим идущих в отдалении Майкла и Саймона.

Майкл (*за кадром*). И я боялся об этом кому-нибудь рассказывать... даже тебе...

МЫ ВМЕСТЕ С КАМЕРОЙ ПРОХОДИМ ПО ДВОРУ И ВИДИМ МАЙКЛА И САЙМОНА

Майкл и Саймон идут нам навстречу.

Саймон. Ты действительно чувствуешь. Что полностью вернулся к нормальному состоянию?

Майкл (*имитируя прыжки и ужимки боксёра-профессионала*). Я в пике формы. В самом пике, дружище. Готов сразиться с самим Рэмбо.

Саймон. Ты хотел сказать, с Роки. (*Серьёзно*). Меня беспокоила эта смесь лекарств. Не хочется затевать очередной спор, но человека с такими закоснелыми убеждениями. Как твои, мог травмировать опыт перехода в другую систему отсчёта. Я имею в виду, что ты мог испытывать опустошённость, возбуждение, шок и ностальгию...

Майкл (*слишком категорично*). Ну что ж, теперь можешь не беспокоиться. Со мной всё хорошо.

Они проходят ещё несколько шагов.

Майкл. Хм... а что ты имеешь в виду, говоря о "переходе в другую систему отсчёта"?

Саймон. То, что происходит, когда мозг отказывается от одной модели реальности и начинает строить новую модель. Пусковым механизмом может стать любой шок или частичное затемнение сознания. В особенности, лекарства.

Майкл (*без сопротивления*). Н-да. Думаю, вчера я действительно пережил переход в какую-то иную систему. Я не мог отличить, чьи воспоминания были настоящими. Я... как бы вдруг выпала из науки в научную фантастику. Путешествие во времени. Прошлое превратилось в настоящее. Но теперь с этим покончено, правда. Я снова в норме.

Они останавливаются, очевидно, собираясь разойтись в разные стороны.

Саймон. Ладно, не пропадай; если возникнут какие-нибудь побочные эффекты...

Майкл (*сердечно*). Я не собираюсь в сумасшедший дом. Не волнуйся, пожалуйста. Я в порядке.

Они расходятся. Камера следует за Майклом. Жуткая музыка.

Саймон (*за кадром*). Переход в другую систему отсчёта. Это происходит, когда мозг отказывается от одной модели реальности и принимается строить новую модель.

Кэти (*за кадром*). Я никогда не чувствовала, чтобы Земля двигалась.

Саймон (*за кадром*). Переход в другую систему отсчёта.

Кэти (*за кадром*). Ну и толчки были ночью. Кажется, было не меньше пяти баллов по Рихтеру.

Три (*за кадром*). Ты можешь оставаться при своём научном скептицизме, профессор. Но это был тот случай, когда мои "предрассудки" спасли мне жизнь.

Лектор (*из следующей сцены, за кадром*). Наши научные модели – это не сама реальность. Это человеческие карты реальности.

Внезапно с боковой дорожки выходит Три. На этот раз у неё книга по психологии, а не по астрологии, хотя она по-прежнему одета провоцирующе. Она видит Майкла, и тот неуверенно останавливается с виноватым видом.

Три. Здрасьте, профессор.

Майкл. Доброе утро, мисс Форест.

Три. Меня зовут Три. Забыли?

Майкл смущённо смеётся.

Майкл. Прошу прощения. Точно. Я... у меня была зубная операция, и от этой анестезии я до сих пор как пришибленный.

Три. От анестезии? А может быть, вы пришибленный от воспоминания о вашей жене?

Майкл настолько напряжён, что Три превратно истолковывает выражение его лица.

Три. Слушайте, профессор, не бойтесь меня, ради бога. Я не рассчитывала на то, что вы оставите жену, сбежите со мной и всё такое. Я знаю, что такое женатый мужчина, ясно? Это не роковая страсть, не волнуйтесь.

Майкл (*более эмоционально, чем с Кэти и Саймоном*). Спасибо... Не в этом дело... Это наркотик... То есть, я хотел сказать, анестезия... Обычно я не это самое...

Три (*усмехаясь*). Знаю – наркотики ты принимаешь только вместе с отвязанной, порочной, обворожительной молодой девушкой вроде меня... и это случается лишь раз в год, верно?

Майкл (*с трудом восстанавливая самоконтроль*). Разве ты согласишься. Если я скажу: два раза за тридцать лет?

Три (*серьёзно*). Да, наверное, поверю. Ты принадлежишь к такому типу. Никакого мистицизма в науке, никаких отклонений в браке... нигде и ни в чём никаких сомнительных делишек. Мистер Прямая Стрела. Позапрошлый век. Значит, ты в порядке? Может, хочешь, чтобы я тебя проводила?

Майкл (*вдруг*). Ты девушка Саймона...

Три. Я ничья девушка. Собственничество портит карму.

Майкл. Видишь ли, я хочу посидеть с минутку и просто пораскинуть мозгами. Со мной полный порядок. Честно. Обо мне не беспокойся.

Три. Некоторым людям реальность нужна в качестве костыля, поскольку они не умеют обращаться с наркотиками.

Майкл (*смеясь*). Боже праведный, впервые я услышал эту фразу двадцать лет назад!

Три (*оглядывая его*). Надеюсь, с тобой всё будет хорошо... но ради бога, если почувствуешь. Что "замечтался", отмени лекции и иди домой. Договорились?

Майкл. Ты меня рассмешила. Со мной будет полный порядок...

Три начинает удаляться, один раз оглядывается с участием.

Майкл. Могу я тебя снова увидеть?

Три. Только если почувствуешь себя порочным и отвязанным...

Звук её шагов стихает. Крик птицы.

Майкл садится на скамейку, чтобы передохнуть. Он закуривает сигарету.

Майкл (*за кадром*). Марихуана, доктор Эллис... кодеин... пентотол натрия... адюльтер... девушка, которая верит в карму и гадает по картам... ангелы по телефону... смотрите, так вы скоро начнёте медитировать и питаться исключительно салатом и йогуртом, доктор Эллис...

АУДИТОРИЯ

Самый крупный зал в Калифорнийском технологическом. Около ста пятидесяти студентов слушают Приглашённого Лектора.

Лектор. ...так Нильс Бор осознал, что материя – это не частицы и не волны. Частицы и волны – лишь две полезные модели, которые можно использовать в физике, когда мы описываем материю. Мы создаём модели. Мы их не "открываем".

Мы видим среди студентов молодого Майкла. Он примерно на год старше, чем когда мы видели его в спальне с Кэти. У него уже усы, волосы причёсаны не так аккуратно, как прежде. По одежде Майкла и других студентов мы догадываемся. Что это выпускники, которые демонстрируют уже чуть большее пренебрежение к своему внешнему виду, хотя это ещё не шестидесятые годы.

Лектор (*за кадром*). И вселенная – это не наши уравнения. Наши уравнения – всего лишь полезные инструменты, которые мы создали для описания вселенной.

Мы видим Майкла. Устремившего взгляд на лектора. Все прочие студенты в этом кадре (за исключением одного) тоже смотрят на лектора. Единственное исключение – молодой мужчина с суровым, интеллигентным, каким-то жестоким лицом. Он не сводит глаз с Майкла.

Лектор (*за кадром*). Как говорил Кожибский, карта не есть территория. Наши научные модели не есть реальность. Это лишь карты реальности, придуманные человеком.

Мы видим Майкла со спины. Камера приближается к нему. Тревожная музыка, пока мы не утыкаемся в самый затылок Майкла.

Лектор (*за кадром*). Это то, что называется Копенгагенской Интерпретацией квантовой механики...

Майкл неожиданно оборачивается и беспокойно оглядывается.

Студент, который выглядит старше остальных, быстро отводит глаза, когда Майкл почти уже замечает его взгляд.

Лектор (*за кадром*). Потому что она была разработана в Копенгагене доктором Бором и его учениками, – хотя вовсе не в пивной "Карлсберг", как некоторые утверждают...

Замкнутое, таинственное лицо более взрослого студента, на котором можно прочесть не больше, чем на дверце запертого сейфа.

Майкл (*за кадром*). Я видел его раньше... Нет, я встречал его позже... Я хочу сказать...

УЛИЦЫ РИМА

Камера движется с головокружительной скоростью по Риму и внезапно взгляду открывается Колизей, смутно вырисовывающийся в отдалении.

СУМЕРКИ

Высокая гора, обрамлённая лучами величественного закатного солнца. На вершине горы мы видим мрачные контуры трёх крестов.

Снова человеческая рука. Мы слышим стук молотка, вбивающего гвоздь, и в то время, как гвоздь вгоняется в руку, хлещет красная кровь. Мы слышим душераздирающий вопль распятого человека.

Молодой голос (за кадром). Доктор Элис! Доктор Эллис!

ГАРВАРДСКИЙ ДВОР

Майкл сидит на скамейке в глубокой задумчивости. К нему приближается студент с зигзагообразными молниями SSA на рукаве. Белокурый, высокий, голубоглазый, он чем-то напоминает юного нациста, преданного своей идее.

Студент. Доктор Эллис?

Майкл медленно поднимает на него глаза и очень долго не узнаёт.

Майкл. А, Карл... Вот, присел подышать весенним воздухом. Что, я уже опаздываю на лекцию?

Карл (глядя на свои наручные часы). Пока нет, сэр. Можно мне пройти вместе с вами? Я хотел вас кое о чём спросить... если позволите, сэр?

Майкл и Карл начинают прогуливаться по территории университетского городка.

Карл. Это об астрологических исследованиях, сэр. Вокруг них ходит множество всяких слухов...

Майкл (легко, без тени настороженности). И что же это за слухи?

Карл (нервно). Ну, некоторые ребята из типографии заявляют, что видели отчёт доктора Селина. Они говорят, что он *поддерживает* астрологию.

Майкл. Не совсем так. Но его данные действительно имеют тенденцию *поддерживать* один из аспектов астрологического прогнозирования. Конечно же, нам понадобится провести дополнительную серию исследований, но...

Карл (наклоняясь ближе и понижая голос). Вы считаете, что доктор Селин подтасовал данные?

Майкл (шокированный). Саймон? Боже упаси, он никогда не пошёл бы на такое.

Карл наклоняется ещё ближе и смотрит искоса.

Карл. Ай, перестаньте, доктор. На последней конференции SSA вы сами же нам говорили, что экстрасенсы и оккультисты всегда подделывают результаты своих исследований.

Майкл взирает на Карла с нарастающим смущением, видя в нём зеркальное отражение своего недавнего догматизма. Медленное затемнение.

СПАЛЬНЯ ЭЛЛИСОВ. НОЧЬ

Кэти спит беспробудным сном. Майкл бесшумно выскальзывает из постели, убеждается. Что Кэти спит, и на цыпочках выходит из комнаты.

ЛЕСТНИЦА

Майкл всё ещё на цыпочках спускается в гостиную.

ГОСТИНАЯ

Майкл садится за домашний компьютер и начинает печатать на клавиатуре.

КРУПНЫЙ ПЛАН: МОНИТОР КОМПЬЮТЕРА

Мы видим следующие слова:

МОИ ДВЕ ЖИЗНИ

СЕКРЕТНЫЙ ФАЙЛ

ПАРОЛЬ: СМЕРТЬ БОГА, СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

МАЙКЛ ЗА КОМПЬЮТЕРОМ

Майкл лихорадочно печатает, освобождаясь от груза затаённых тревог.

Майкл (за кадром). Или я сумасшедший, или реинкарнация действительно существует. И даже ещё более неправдоподобные вещи, чем реинкарнация. Хранители этой планеты переместили меня во времени после того, как я убил Христа...

АУДИТОРИЯ В КАЛИФОРНИЙСКОМ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ

Большой зал битком набит студентами. За кафедрой, почему-то одетый в нелепую римскую тогу, стоит учёный средних лет – доктор Эйбрахам Бом. Его речь свидетельствует о том, что он в равной мере владеет риторикой и физикой. На стене за его спиной висит большая увеличенная фотография доктора Дж. Роберта Оппенгеймера.

Доктор Бом (убеждённо). Конечно, многие люди мне скажут: "Доктор Бом, не отклоняйтесь от физики. От того, в чём вы разбираетесь. Предоставьте заниматься политикой – политикам".

Камера показывает аудиторию. Много молодых лиц, мучительно пытающихся осознать проблему, которая беспокоит докладчика.

Доктор Бом (за кадром). Но я им отвечаю, что мир летит в пропасть как раз потому, что его отдали на откуп политикам. Они не имеют ни малейшего представления о том, что означает эта бомба. До них не доходит, что означает выпадение радиоактивных осадков для людей, которые находятся за тысячи миль от эпицентра ядерного взрыва. Они ведут себя, словно маленькие дети, которые играют с заряженными револьверами.

Среди слушателей мы находим Майкла: помимо усов у него появилась борода клинышком. Волосы стали длиннее. Ему скучно, и он пытается незаметно выйти, пробираясь вдоль ряда и наступая на чьи-то ноги.

Камера приближается к доктору Бому, одетому в обычный современный костюм.

Доктор Бом (страстно). И пока малыши играют с заряженным оружием, мы, те, кто знает об опасности, обязаны заявить об этом вслух. Пусть другие залезают норы и дрожат от страха перед чёрным призраком или сенатором Маккарти, но я вам говорю...

Майкл добрался до конца своего ряда и собирается выйти. Студент, который ранее не сводил с Майкла глаз, подаётся вперёд и раздражённо шепчет.

Студент. Почему бы тебе не послушать этого человека?

Майкл (иронично). Расслабься. Брат. Созерцай поток жизни, не привязываясь к нему.

Мы слышим страстный голос доктора Бомы, пока изображение медленно затемняется. Последние его слова звучат во время перехода к следующему кадру.

Доктор Бом (глас вопиющего в пустыне). Учёные не освобождены от морального бремени, которое лежит на человечестве. Мы должны думать. Мы должны выбирать. Мы должны брать на себя ответственность.

ПИЦЦЕРИЯ

*Крупным планом газетный заголовок над фотографией Бомы:
МАККАРТИ НАЗЫВАЕТ БОМА "КРАСНЫМ АГЕНТОМ"*

Камера движется, пока мы читаем это, и становится видно, что газету держит в руке тот самый студент с суровым интеллигентным лицом (его зовут Питер Стоун), который выглядит старше остальных студентов. Это он наблюдал за Майклом в эпизоде лекции и говорил с ним в эпизоде с Бомом. Мы находимся в пиццерии в Кембридже. Студенты уже готовятся к защите диплома. Они повзрослели. Мы замечаем Майкла и Кэти, сидящих за столиком с друзьями, и приближаемся к ним.

Сейчас у Майкла волосы ещё длиннее и более всклокоченная козлиная борода. На Кэти джинсы. Один из их друзей отпустил пышную окладистую бороду. Мы слышим, как из музыкального автомата доносится песня Чака Берри. На стене висит увеличенная фотография Хамфри Богарта в фильме "Касабланка" – с потухшей сигаретой в зубах.

1-й студент (чуть подвыпивший). Хорош трепаться! Говорю тебе, Копенгагенская Интерпретация была блестящей для своего времени, но теперь она стала не более чем оправданием интеллектуальной лени. Пора прекратить цитировать этого старикашку Бора как догму и начать думать о том, что означают эти чёртовы уравнения.

Майкл (с иронией, которая, как мы начинаем понимать, для него типична). Мы говорим о физике или о философии? Я на своей шкуре знаю, как невероятно сложно получить докторскую степень в области физики. Я не хочу одновременно работать ещё и над диссертацией по философии.

2-й Студент с подозрением осматривает пиццу.

1-й студент. Старый добрый прагматик Майкл. "Никогда не спрашивай, что всё это значит, спрашивай только, работает ли это". Так?

Майкл (закуривая сигарету). Прагматизм был вполне хорош для Бора. Он был вполне хорош для Бриджмена. Он был вполне хорош для Гейзенберга.

Кэти (тоже слегка навеселе; поёт мотив "Этой старомодной религии").

Ах, этот старомодный прагматик,

Этот старомодный прагматик,

Это было хорошо для Бора и Бриджмена,

Это было хорошо для Бора и Бриджмена,

И это вполне хорошо для меня.

2-й студент (*перебивает Кэти*). Эй, по-моему, нам подали пиццу с анчоусами.

2-я студентка (*перебивает 2-го студента*). Майкл, неужели ты ни разу не интересовался, что на самом деле делает электрон, пока мы на него не смотрим?

Майкл (*невозмутимо и с некоторым превосходством*). Да. Интересовался, когда был первокурсником. Тогда же я понял, что Гейзенберг прав. Интерес к этому сродни интересу к тому, сколько ангелов смогут танцевать на булавочной головке. Это философия, а не наука.

1-я студентка. И в чём же разница между философией и наукой, мистер Эксперт. Если обратиться к основам?

Майкл. Наука – это то, что мы знаем. Философия же – это то, что мы не знаем и о чём можем лишь догадываться.

2-я студентка. Эйнштейна интересовало, что делают электроны, когда мы их не видим.

1-й студент (*перебивает её*). Или электроны существуют только в наших головах – а это солипсизм, или же электроны занимаются своими чёртовыми делами, даже когда мы на них не смотрим.

2-й студент. Вы же знаете, что я не выношу, когда в пицце эти проклятые анчоусы.

2-я студентка (*Майклу*). Неужели ты никогда не задавал себе вопрос: "Что же, чёрт побери, стоит за всеми этими уравнениями, с которыми мы так ловко управляемся? Что на самом деле за ними стоит? Какая реальность?"

Майкл (*имитируя сценку из "Сокровища Сьерра-Мадре"*). Я квантовый физик. И плевал я на вашу во-ню-ю-ю-чую реальность!

Все смеются над мексиканским акцентом Майкла. Мимо столика проходят люди в одежде, характерной для студенчества пятидесятых годов, направляющиеся в туалет или из туалета.

1-й студент. Но я хочу когда-нибудь *узнать*, как эти долбанные электроны проводят своё время, когда мы за ними не наблюдаем.

Майкл (*сухо*). А я хочу, чтобы у меня был приличный счёт в банке, и я мог себе позволить не слушать ничьи бредни.

2-я студентка. Уравнения Шрёдингера, как ни странно, действительно нам объясняют, что делают электроны, когда мы за ними не подсматриваем. Когда мы на них смотрим, они бывают лишь в одном состоянии, верно? Ну а после, когда мы не смотрим, они пребывают в каждом вероятном состоянии.

Майкл. О, Боже, вот это и называется путать карту с территорией.

2-я студентка. Ты не следишь за периодикой, мой друг. Это только что доказал Хью Эверетт из Принстона. Электроны находятся в каждом математически вероятном *собственном состоянии* до той самой наносекунды, когда мы начинаем бомбардировать их световым пучком, чтобы увидеть, чем же занимаются эти маленькие сволочи...

2-й студент. Никто меня не слушает. Они положили в мою пиццу эти чёртовы анчоусы. Вы же мне обещали. "Никаких проклятых анчоусов".

1-й студент (*скептически, 2-й студентке*). Да, а кот Шрёдингера одновременно мёртв и жив. И Гитлер в некоторых вселенных так и остался художником-любителем. Чёрт побери, я ишу в физике реализм, а не сюрреализм.

2-я студентка. Посмотри ещё раз на эти чёртовы уравнения. На классические волновые уравнения Эрвина Шрёдингера, которые мы ежедневно используем.

Майкл (*1-му студенту*). Вот что получается, когда ты спрашиваешь о реальности в физике. В ответ слышишь всякую ахинею. Держи деньги в собственном кошельке, как сказал тот же парень.

Мимо столика неожиданно проходит человек в древнеримском военном облачении. Изумлённый Майкл в полном смятении провожает этот призрак взглядом. Остальные ничего не замечают.

Кэти (*снова напевая*). Это было хорошо для старого
фон Нойманна,
Это было хорошо для старого
фон Нойманна,
И это вполне хорошо для меня.

Последняя строка её песенки ещё звучит в следующем кадре.

КОМНАТА В РИМСКИХ КАЗАРМАХ, ИЕРУСАЛИМ

Скоро закат. Комнату пересекают длинные тени. Мы видим еврея средних лет, худого и костлявого. Раздетый догола, он прикован к стене цепями. Мы видим этого человека со спины и замечаем на его голове терновый венок. Солдат методично избивает его плетью. Камера неожиданно отъезжает, и мы видим Майкла в одежде центуриона. Он томится. Присев на край стола. Никакого удовольствия происходящее ему не доставляет, ему скучно – он обязан обеспечить телесное наказание этого еврея. Еврей кричит от ужасной боли.

КАФЕ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ В КУЭРНАВАКЕ (МЕКСИКА)

Полдень. Солнце опалает столики, за которыми сидят задыхающиеся от жары американские туристы, пытающиеся утолить жажду. Камера приближается к столу, за которым Майкл и Кэти сидят с Питером Стоуном, тем самым студентом, который когда-то следил за Майклом в аудитории. Теперь Майкл с бородой. У Кэти бусы из сердечек и лента на голове. Из портативного радиоприёмника за соседним столиком слышна песня "Битлз". Питер Стоун увлечённо беседует с Майклом и Кэти.

Питер Стоун. Подошла к концу игра пространства, подошла к концу игра времени, а затем подошла к концу игра Питера Стоуна. Я пребывал в вечности, хотя там не было никакого "я".

Майкл. Что это за гриб такой, Питер?

Питер Стоун. Индейцы называют его *теонанакатль*. Что означает "плоть Господня".

Кэти. Звучит угрожающе. Одному Господу ведомо, что могло сделать с твоим мозгом такое вещество.

Питер Стоун (*с миссионерским пылом*). Сейчас в Гарварде обширная программа научных исследований по этому вопросу. Никаких побочных эффектов пока не обнаружено.

Майкл. В Гарварде? Я знал, что твоё лицо мне знакомо. Не тебя ли я видел как-то раз в физической аудитории?

Питер Стоун (*невозмутимо, с лицом опытного и искусного лгуна*). Нет, никогда не доводилось бывать в Гарварде. Сам я закончил Корнэлл.

Кэти (*не скрывая своего скептицизма*). Кто же занимается этими исследованиями в Гарварде, Пит? Мы могли бы их знать.

Камера придвигается к Майклу. Он вытащил свой бумажник и отделяет американские деньги от мексиканских. Меняется в лице. Чем-то смутно обеспокоен.

Питер Стоун (*за кадром*). Три психолога. Их зовут... э-э... Метцнер, Алперт и... э-э... ах да, один парень по фамилии Лири.

КРУПНЫЙ ПЛАН: СТОЛ

Странная, неземная музыка. Мы видим две стопки денег. На банкноте, лежащей сверху в стопке американских долларов, – глаз над пирамидой. На банкноте, лежащей сверху в стопке мексиканских песо, – колокол над пирамидой.

Кэти (*за кадром*). О! "Теоретик" Лири! Мы с ним знакомы. Он пытается превратить психологию в отрасль физики. (*Подражает манере речи доктора Лири*) "Где находятся тела в пространстве-времени?"

КРУПНЫЙ ПЛАН: АМЕРИКАНСКИЙ ДОЛЛАР

Музыка становится ещё более дикой, пока камера наезжает на глаз над пирамидой.

Кэти (*за кадром, всё ещё подражая Лири*). "Не рассказывайте мне о неврозах или приспособленности. Где находятся тела в пространстве-времени? Какими сигналами они обмениваются?" Старый добрый Теоретик Лири.

КРУПНЫЙ ПЛАН: МЕКСИКАНСКИЙ ПЕСО

Под звуки неистовствующей музыки камера наезжает на колокол над пирамидой.

Питер Стоун (*за кадром*). Ну. Если сознание – это химическое вещество, то химические вещества могут изменять сознание, правильно?

ПРЕЖНЯЯ СЦЕНА

Ни Кэти, ни Питер не замечают, что Майклом овладело что-то вроде приступа мучительного беспокойства.

Питер Стоун. Я хочу сказать: что, если нормальное сознание экранирует некоторые из самых важных сигналов, которые нам следовало бы получить? Допустим, этот гриб действительно расширяет сознание, открывая головной мозг для новых сигналов? Тогда мы смогли бы воспринять новую реальность.

Кэти. Но что, если он отравляет тебя на всю оставшуюся жизнь, а, Питер?

КРУПНЫЙ ПЛАН: АМЕРИКАНСКИЙ ДОЛЛАР

Камера снова придвигается к глазу над пирамидой, гораздо быстрее, чем в предыдущем подобном кадре. Жутковатая музыка.

КРУПНЫЙ ПЛАН: МЕКСИКАНСКИЙ ПЕСО

Камера перескакивает на колокол над пирамидой.

Питер Стоун (за кадром). Местные индейцы использовали *теонанакатль* тысячами без всяких побочных эффектов.

ПРЕЖНЯЯ СЦЕНА

Кэти (цинично). Вряд ли их можно назвать образцом индустриального развития или рационального мышления.

Питер Стоун (убеждённо, но с мистификаторской ноткой в голосе). Индустриальное развитие и рациональное мышление – это ещё не всё, в чём нуждается и что должно знать человечество. Есть интуитивные виды знания, которые, возможно, отчаянно необходимы нашему обществу, миссис Эллис. Наша сила уже и так дьявольски огромна. Возможно, нам нужна ещё и мудрость, пока мы не...

Его прерывает на полуслове неожиданный звук глухого удара. Майкл потерял сознание и рухнул наземь вместе со стулом. Кэти и Питер подсакивают к Майклу и опускаются на колени. И тут слышится неожиданный, какой-то неземной гул.

ОБЩИЙ ВИД КАФЕ

Над головами с пронзительным жужжанием летает осоед.

У СТОЛИКА

На коленях Кэти покоится голова Майкла. Она смачивает тряпку водой, оставшейся в бутылке на столе, и прикладывает к брови Майкла. Мы слышим, как начинают скандировать голоса за кадром.

Голоса (за кадром). Раз! Два! Три! Четыре! Пять!

ГАРВАРДСКИЙ ДВОР

Студенческий бунт. Полицейские избивают студентов дубинками. Клубы слезоточивого газа. Камера прыгает и беспокойно двигается из стороны в сторону, как в кинохронике.

Голоса студентов (хором). Прекратите воевать! Шесть! Семь! Восемь! Девять! Всё здесь надо переделать! Эй, эй, Эл Би Джэй¹⁰, сколько сегодня ты убил детей?

ЗДАНИЕ ФАКУЛЬТЕТА ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК

Мы видим Майкла, которому уже далеко за тридцать. Он торопится к зданию факультета естественных наук, подальше от разбушевавшейся толпы. У него аккуратно подстриженная борода, и он одет в повседневный твидовый костюм, обязательный для "действительных" профессоров. Мы слышим, как студенты снова начинают скандировать.

Студенты (за кадром, скандируют). Раз! Два! Три! Четыре! Пять! Прекратите воевать!

ФАКУЛЬТЕТ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК

По коридору идут Майкл и какой-то профессор.

Профессор. Никогда не думал, что такое может произойти в Гарварде.

Майкл. Всю страну лихорадит. Почему бы нам оставаться в стороне?

Профессор. Но гарвардские студенты!.. В моё время все они были джентльменами.

Некоторое время они идут молча.

Профессор. Как Чарли?

Майкл. По-прежнему во Вьетнаме. Дали младшего лейтенанта.

Он кивает на прощание и открывает дверь, обнаруживая

СЕНАТ В РИМЕ

Доктор Бом, снова в тоге, стоит на месте оратора в центре и произносит речь.

Доктор Бом. Оружие, которое применил бы, нет, даже задумал бы применить только сумасшедший. Оружие, которое ведёт генетическую войну против ещё не рождённых поколений. Оружие геноцида.

По Майклу видно, что он ничего не понял, а лишь слегка растерялся. Он не успевает сообразить, насколько невероятно то, что он видит.

Майкл. О, прошу извинения. Я, должно быть, ошибся дверью.

¹⁰ - Линдон Бейнс Джонсон, президент США.

КОРИДОР

Майкл закрывает дверь и отступает. Он выглядит не менее, а куда более растерянным.

РИМСКИЕ КАЗАРМЫ В ИЕРУСАЛИМЕ

Солдат всё ещё избивает плетью еврея. На том самом месте, где прежде сидел скучающий Майкл в одеянии римского офицера, мы видим Майкла в его гарвардском твидовом костюме. Плеть методично опускается четыре раза.

ГОРА В ИЕРУСАЛИМЕ

На фоне розоватого закатного неба чётко вырисовываются три креста.

Голос (в агонии). Мой Бог, Мой Бог...

Камера приближается. Еврей, которого мы видели избиваемым, распят на среднем кресте. Это он стонет.

Еврей (страстно). Почему Ты меня оставил?

Майкл, теперь уже в подходящей к ситуации одежде центуриона, выглядит встревоженным. Он начинает вытаскивать свой меч. Подчинённый воин почтительно, но твёрдо кладёт свою руку на руку Майкла.

Воин. В наше время у вас из-за этого будут неприятности, господин.

Майкл (решиительно). Ради Бога, всему есть предел. Этот человек достаточно настрадался.

Когда Майкл выходит вперёд, вытаскивая свой меч, какая-то сердитая старуха из толпы бросает в еврея на среднем кресте гнилой плод. Он попадает ему прямо в лицо.

Еврей. Отче, прости им. Ибо не знают, что делают.

Майкл выступает вперёд и твёрдой рукой профессионально, вонзает меч в сердце еврея. Взрыв гнева в толпе, желавшей насладиться более долгими муками жертвы. На одежду Майкла хлещет кровь.

Мы видим, как Майкл с каким-то ужасом вглядывается в кровь на своей руке. В кадре доминирует рука; лицо Майкла маячит где-то вверху. С его уст срывается протяжный и приглушённый вопль ужаса, намного превосходящий то выражение чувств, которое можно ожидать от бывшего армейского офицера при виде крови. Кажется, он знает нечто такое, что ему не хотелось бы знать. Наконец вопль перерастает во всхлипывающие рыдания. Затемнение.

КУХНЯ САЙМОНА

Саймон и Майкл сидят за столом. Теперь между пустыми кофейными чашками стоит бутылка виски. Саймон приподнимает бутылку, вопросительно глядя на Майкла. Майкл кивает, и Саймон разливает виски по чашкам.

На улице за окном мы видим первые светло-коричневые проблески рассвета. Майкл залпом глотает виски и поёживается. Саймон отпивает глоток, потягивается и наконец говорит дружелюбно и без насмешки.

Саймон. Человек, убивший Христа... ну, это что-то новенькое. Но почему всякий раз. Когда я встречаюсь со случаем реинкарнации, люди утверждают, что были какой-то знаменитостью в своей прошлой жизни?

Майкл удивлён и слегка сконфужен.

Саймон (философски). Я встречаю людей, которые были Клеопатрой... или Наполеоном... а в последнее время – Мэрилин Монро... Я никогда не встречал человека, который был бы незначительным, когда жил здесь в прошлый раз...

Майкл (устало). Ты не понимаешь... Это и есть всё то, что ты называешь "защитной памятью".

Саймон (удивлённый, что Майклу известен этот термин). Защитная память? Ты сам это придумал? Тебе не нужен психолог... может быть, тебе самому следовало стать психологом.

Майкл (нетерпеливо). Ты объяснял мне, что такое защитная память, на конференции SSA... мы обсуждали корреляцию между автомобильными авариями и сообщениями об НЛЮ, помнишь? Ты рассказывал, что у каждого человека после шока или травмы могут появиться искажённые воспоминания. Замещающие то, что он в действительности помнить не может. Ты говорил, что такие случаи бывают чаще, чем амнезия.

Саймон. А если так, значит, ты не убивал Христа в буквальном смысле?

Майкл поёживается и наливает ещё виски. Выпивает залпом.

Майкл (поначалу очень спокойно, затем постепенно повышая голос). В буквальном – не убивал... Но каждый физик в мире участвовал в этом убийстве... в течение сорока лет, а теперь уже и больше. Мы занимаемся тем, что выпрашиваем всё больше и больше денег, чтобы добиться всё большей силы взрыва и (голос прерывается) доставляем бомбы на всё большие и большие расстояния... за всё

меньшее и меньшее время... чтобы убивать всё больше и больше людей. Какое замечательное применение человеческого интеллекта... *(Почти рыдает)*

Пауза. Саймон смотрит на него сочувственно. Майкл берёт себя в руки.

Саймон *(мягко)*. Ну и ну... И давно ты это в себе носишь?

Майкл. Большую часть своей взрослой жизни.

Пауза.

Саймон. Но это не всё... Помимо защитной памяти есть ещё кое-что...

Майкл. Да... И вот здесь ты мне действительно должен сказать, не двинулся ли я вправду мозгами...

ЗАКАТ. ТРИ КРЕСТА НА ХОЛМЕ

Грохочет гром, сверкает молния.

МАЙКЛ КРУПНЫМ ПЛАНОМ

Он наблюдает, как дождь смывает кровь с его рук.

Отец Майкла *(за кадром)*. Все религии одинаково истинны для народа...

Его голос продолжает звучать в начале следующего кадра.

ЗАПРУЖЕННАЯ ЛЮДЬМИ УЛИЦА В РИМЕ

Отец *(продолжая)*. ...одинаково ложны для философа и одинаково полезны для политика. Милый мальчик, всё это повергает меня в дикое смущение, но что я могу поделать? Я – сенатор; я должен подчиняться протоколу.

Крупный рогатый скот, ослы, колесницы, массы людей. Стоит галдёж, всюду грязь и общее ощущение зловония. Камера показывает улицу сверху, и мы видим Майкла, всё ещё в одежде центуриона, и его отца в тоге.

Майкл. Я понимаю, отец.

Отец. Да? Интересно. После пяти лет службы в Провинциях ты вряд ли до сих пор остался римлянином.

Майкл *(загадочно)*. В Провинциях видишь много странного.

Отец. Надеюсь, ты не настолько наивен, чтобы верить всему, что видишь, дорогой ты мой. Глаза – большие обманщики. Тот, кто сказал: "Увидеть – значит поверить", – был дурак. А ты всегда отличался воображением.

Майкл. Умоляю, не начинай опять всё с начала, отец.

ДОМ ПРОРИЦАТЕЛЬНИЦЫ–СИВИЛЛЫ

Майкл и Отец под тенистым навесом, но ещё за пределами собственно здания.

Отец *(строго)*. Тебе было двенадцать лет от роду, когда ты поведал матери эту нелепую историю. С тобой говорил бог! И, думаю, ты в это верил.

Майкл. Евреи постоянно слышат. Как с ними говорит их бог. Во всяком случае, некоторые из них. Один человек, которого я распял...

Отец. Прошу тебя, дорогой мой мальчик, не утруждай меня подробностями. Официально мы находимся там, чтобы сделать их цивилизованными. Я предпочитаю не вдаваться в подробности. Это уменьшит мою искреннюю уверенность, когда я буду выступать в Сенате. Мне надлежит верить, что народам, чьи земли оккупируют наши войска, мы не несём ничего, кроме блага.

Майкл смотрит на отца с возросшим любопытством.

Майкл. Так ты на самом деле ничему не веришь. Да, отец?

Отец. Естественно, верю. Человек, который ничему не верит, так же глуп, как и человек, который верит всему. Я верю, что хочу оставаться в Сенате до конца своих дней. Я верю, что, приведя своего сына сюда, к оракулу Сивиллы, я остановлю постыдные слухи о том, что я, якобы, атеист. Я верю, что вселенная состоит из атомов и пустоты, как учил Демокрит. И ещё мне хотелось бы верить, что ты достаточно взрослый и достаточно разумный, чтобы не брать в голову и не верить во всё, что тебе скажет прорицательница. Она неумняемая и всё время находится под воздействием ужасных снадобий.

Майкл *(терпеливо)*. И что я должен спрашивать у этой одурманенной женщины?

Отец. О, всё, что тебе вздумается, милый мальчик. Спроси, повезёт ли тебе в любви. (Как будто бывают мужчины, которым везёт...) Спроси, скоро ли тебя произведут в генералы. Спрашивай о чём хочешь. Только не будь настолько наивен, чтобы верить всему, что она тебе наплетёт. Боги с нами не разговаривают. Всё, что существует...

Майкл. ...это атомы и пустота. Я помню. Впервые я услышал эту твою фразу, когда мне было двенадцать. Во время того... инцидента.

Отец. Эта фраза стоит того, чтобы её повторять. Атомы и пустота, дорогой мальчик. Всё остальное – домыслы, точнее, игра воображения.

Майкл. Одно только слово, отец...

Отец. Да?

Майкл. Я никогда не видел этих чудесных атомов, но я слышал, как со мной разговаривал бог.

Мы слышим странный кудахтающий смех.

У СИВИЛЛЫ

Место действия освещается кострами, которые пылают под подолом. Пространство заполняют клубы дыма от курящихся благовоний. На стенах. Принимая чудовищные формы, пляшут тени. Постепенно мы различаем кружащуюся, исступлённо танцующую фигуру Прорицательницы. Она стара и на редкость безобразна.

Прорицательница. Молодой человек приходит к старой женщине. Молодой человек говорит дерзким тоном. "О, когда я найду свою настоящую любовь? Гнев богов всё ещё не утих".

Майкл (*с болезненным детским простодушием, сбросив маску защитной иронии*). Сивилла, жрица моих предков, жрица Той, чьё тайное имя Исида, скажи мне правду: говорил ли когда-нибудь со мной бог.

Прорицательница раскачивается, пританцовывая.

Прорицательница (*шизофреническое бормотание*). Да! Да! Бог с тобой говорил, а ты убил бога.

Майкл (*испуганный, но возмущённый*). Я никогда не убивал бога, если его вообще возможно убить. Клянусь.

Прорицательница (*пританцовывая*). Да, да, ты убил бога неизвестного, бога, стучавшего в двери времени. (*Поёт*) И теперь Священная Римская империя не падёт до тех пор, пока ты не превратишь этого бога в своего друга. (*Истошно вопит*) Смотри на свою руку! На свою руку!

СПЕЦЭФФЕКТ

В отдалении взрывается ядерная бомба. Мы видим ядерный гриб, а затем Белый Свет. Нестерпимо яркий экран нас ослепляет и освещает кинозал.

БУНКЕР

Майкл и другие учёные в защитных очках наблюдают за ядерным взрывом. Вероятно, это ядерные испытания на полигоне в Неваде. На вид Майклу уже под сорок, т.е. это происходит уже после беспорядков в Гарварде. Экран белеет и светлеет после взрыва.

Неотождествлённый учёный (*тип Хола Холбрука*). Это всегда заставляет меня задуматься над словами Оппенгеймера. Теперь наука знает. Что значит грех.

Майкл. Это самая большая глупость, которую когда-либо говорил старик.

Неотождествлённый учёный (*поражённый, готовый защищаться*). О, да ты прямо как Теллер? И что, вправду в это веришь?

Майкл (*нетерпеливый, как будто объясняя ребёнку*). Мир устроен так, что всегда одна страна будет превосходить все прочие. Пока я живу здесь, мне хочется, чтобы этой страной была Америка. (*Иронично*) Это, конечно, чистой воды прагматизм, но у меня нет способностей к теологии.

Неотождествлённый учёный (*печально*). И наши университеты с каждым годом готовят всё больше таких варваров, как ты.

ПУСТЫНЯ

Ядерный гриб медленно расширяется, а затем медленно рассеивается.

Саймон (*за кадром*). Ты верил во всё это, когда так говорил?

Майкл (*за кадром*). Саймон, я никогда не обнажал своё истинное "я"... Я всегда боялся того, что могут подумать люди, заподозри они кто я... или что я...

У СИВИЛЛЫ

Сивилла больше не безобразная старуха. Теперь это Три, танцующая под покровом прозрачных и очень волнующих вуалей.

Майкл (*испуганный, но возмущённый*). Я никогда не убивал бога, если это вообще возможно. Клянусь.

Три (*пританцовывая*). Да, да, ты убил бога неизвестного, бога, стучавшего в двери времени. (*Поёт*) И теперь Священная Римская империя не падёт до тех пор, пока ты не превратишь этого бога в своего друга.

Майкл. Священная Римская империя не падёт?..

Три (*истошно вопит*). Смотри, вот твоё будущее! Смотри!
Майкл в ужасе таращится на что-то за пределами экрана.
Военные похороны где-то в США. Почётный караул несёт гроб. Обёрнутый флагом. Очень медленно и скорбно звучит траурный сигнал горна.

КУХНЯ САЙМОНА

Стоит почти пустая бутылка виски. За окном сияет рассветное солнце.
Майкл. Когда я был ребёнком, я всё это помнил. Но потом, естественно, забыл.
Саймон. В смысле, перестал вспоминать?
Майкл. Пришлось. Боялся сойти с ума. Не мог говорить. (*В какую-то секунду кажется, что он вот-вот разрыдается*) Я не мог говорить. Когда понял, что в самом деле это был никакой не ангел.
Саймон. Это произошло в период тех телефонных звонков? Когда тебе было двенадцать?
Майкл. Нет, позже. В Калифорнийском технологическом. Той ночью, когда мы впервые спали с Кэти. Достаточно фрейдизма для тебя?
Саймон. В данном случае можно о Фрейде не беспокоиться. Хочешь рассказать подробнее?
Майкл. Мы встречались почти целый год. Никакого секса. Ну разве что немного тискались. Это же было ещё в пятидесятых, сам понимаешь. Наконец я затащил её в постель...

КОМНАТА В ОБЩЕЖИТИИ

Майкл и Кэти в постели. Он гладит её под простынями.
Кэти (*дыша немного учащённо*). Что создания, объявляющие себя ангелами, могут быть дьяволами... демонами из ада – пытающимися в тебя войти и...
Майкл (*за кадром*). Войти в меня? И?
Кэти (*утратив контроль*). О, милый, милый...
Майкл (*за кадром*). Кэти... Кэти... Я люблю тебя...
Дверь в спальню распахивается. Странная, кричащая музыка – одна и та же нота повторяется всё громче и громче, пока сверхбыстро сменяются следующие кадры.
Музыка звучит нестерпимо пронзительно, когда в дверях появляется фигура лысого карлика.
Майкл и Кэти сидят в постели, перепуганные, пока карлик со сверхчеловеческой скоростью несётся к постели.
Музыка пронзительно визжит три раза, а тем временем в дверях появляются ещё два карлика, затем вбегают в комнату, а их сменяют ещё три карлика, появившиеся в проёме дверей.
Под визжащую музыку по комнате проносится дюжина карликов.

ПОСТЕЛЬ КРУПНЫМ ПЛАНOM

Кэти в состоянии шока или транса; её глаза остекленели и она ничего не видит. Майкл изо всех сил пытается выбраться из кровати и влезть на стенку, пока насекомоподобные карликовые ручки хватают его за руки и за ноги.

МАЙКЛ КРУПНЫМ ПЛАНOM

Ужасный вопль, когда под правое веко Майкла всовывают страшный инструмент и проталкивают его в мозг.
Лысый карлик без всякого выражения на лице надвигается на камеру со странным инструментом. Кадр напоминает прежний эпизод с лысым дантистом, у которого был такой же инструмент.

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ЭФФЕКТ

Два такта "Оды к радости" Бетховена, сопровождающие летящего по воздуху в своей пижаме Майкла. Под ним мы видим корпуса института. Над ним виден огромный белый шар света, к которому он движется с ускорением.

СТРАННАЯ КОМНАТА

Белый свет заливают круглую комнату, в которой лежит обнажённый Майкл, привязанный к столу. Вокруг него суетятся карлики с разнообразными инструментами и аппаратами явно внеземного происхождения.
Он не то визжит, не то ревёт, совершенно обезумев от ужаса.

ПРОМЕЖНОСТЬ МАЙКЛА КРУПНЫМ ПЛАНOM

Карликовые руки приспособливают аппарат над пахом Майкла. Мы видим достаточно, чтобы понять: его пенис насильно вставляется в аппарат.

МАЙКЛ КРУПНЫМ ПЛАНОМ

Он одновременно визжит и ревет, но затем его лицо искажает гримаса непроизвольного наслаждения, а затем ужаса.

Карлики снимают аппарат с паха Майкла и, очевидно, сливают сперму в пробирку.

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ЭФФЕКТ

Вращающаяся спираль галактики. Ещё четыре такта "Оды к радости" Бетховена.

КОМНАТА В ОБЩЕЖИТИИ

Майкл и Кэти, оба с остекленевшим взглядом и оцепеневшие, сидят, словно зомби. Мебель постепенно перестаёт подпрыгивать вверх и вниз. Когда устанавливается тишина, Майкл и Кэти по-прежнему безучастно смотрят широко раскрытыми глазами в пространство. Тишина стоит десять секунд, и мы видим, как исчезает изображение.

ГОСТИНАЯ ЭЛЛИСОВ

Майкл, снова пятидесятилетний, сидит за компьютером, печатая эти воспоминания или галлюцинации.

Майкл (за кадром). Возникало такое ощущение, словно всякий раз, когда я смотрел, занавес приподнимался чуть выше... и всё больше из того, что я видел, казалось невероятным...

Мы слышим первые аккорды "Оды к радости" Бетховена.

Через искажающий объектив мы смотрим на события в крупной научной лаборатории. Все учёные говорят по-русски, но их голоса звучат невнятно и камера пьяно раскачивается из одной стороны комнаты в другую. Зрители в кинозале, понимающие русский язык, слышат следующие обрывки фраз:

Первый русский голос. ...только когда Марс восходит в Тельце...

Второй русский голос. ...требуется шестимерный туннель времени...

Третий русский голос. ...там наверху. Но можно ли их считать нашими друзьями?

Мы видим центр, вокруг которого сосредоточена вся деятельность. К двум женщинам и мужчине, в гражданской одежде и с типично русскими лицами, подключено электронное оборудование, регистрирующее волны, которые излучает мозг. Они сидят лицом к стене, на которую проецируется ряд слайдов с изображением пещерного искусства кроманьонцев, начиная с наскального рисунка охотников, убивающих бизона. Майкл уже видел этот наскальный рисунок. Каждое изображение появляется на экране лишь на полсекунды, и за пять секунд мы успеваем увидеть десять фрагментов пещерного искусства, которому уже тридцать тысяч лет.

ГОСТИНАЯ ЭЛЛИСОВ

Майкл выпрямляется и отворачивается от экрана компьютера с широко открытыми глазами.

На стене комнаты быстро появляются последние три фрагмента пещерного искусства. Внезапно их сменяют десять фрагментов древнеегипетского искусства, каждый из которых проецируется лишь какие-то полсекунды. Продолжает звучать "Ода к радости".

СТРАННАЯ КОМНАТА – ВСЁ ЗАЛИТО БЕЛЫМ СВЕТОМ

Смутно видна едва различимая в белом сиянии группа карликов из сцены в общежитии, орудующая вокруг какой-то сложной аппаратуры. Постепенно до нас начинает доходить, что трое карликов каким-то непонятным инструментом делают "эскизы" в воздухе. Они принимают информацию, передаваемую тремя русскими экстрасенсами. Эскизы в воздухе улавливаются компьютерообразной машиной, которая, очевидно, сохраняет их в своей памяти. Мы видим, как карлики принимают последние три образца древнеегипетского искусства, а затем первые четыре образца искусства Древнего Востока.

ГОСТИНАЯ ЭЛЛИСОВ

С нарастающей мощностью продолжает звучать "Ода к радости". Майкл бродит пошатываясь и как бы ошупью по совершенно преобразившейся комнате. Древневосточное

искусство сменяют десять образцов африканского искусства, которые появляются одновременно на всех стенах не более чем на полсекунды каждый.

РУССКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ

Экстрасенсы концентрируются на десяти образцах классического древнегреческого искусства, в числе которых статуя Ники Самофракийской.

ГОСТИНАЯ ЭЛЛИСОВ

Майкл бродит, натываясь на мебель.

Майкл. Русские. Я видел русских. "Они" это делают.

На всех стенах, по-прежнему на полсекунды, появляются изображения образцов древнеримского искусства, более позднего восточного и византийского искусства, искусства средневековья.

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ЭФФЕКТ

Художественные изображения сейчас выглядят одиноко; исчезли даже смутные очертания гостиной Эллисов. Майкл плывёт в вихре из двадцати классических картин эпохи Возрождения, видимых в течении десяти секунд по полсекунды каждая. Музыка Бетховена в мощном стереоисполнении. Возникает ощущение, будто передаётся не просто великая живопись и великая музыка, но нечто такое, что искусством и музыкой лишь символизируется. Майкл проплывает по волнам десятисекундного появления двадцати картин импрессионистов, десятисекундного появления двадцати картин Ван Гога, десятисекундного появления двадцати картин Пикассо, десятисекундного появления смешанного современного искусства, достигающего кульминации на протяжении трёх секунд тремя абстрактными картинами Джексона Поллока. Мы слышим финал "Оды к радости".

СТРАННАЯ КОМНАТА, ЗАЛИТАЯ БЕЛЫМ СВЕТОМ

Карлики отключают многочисленные инструменты.

Карлик. Крал ламек мелас тропвен.

Второй карлик. Крал ламек Ирпак Ороблам.

Свет гаснет. Фигуры карликов, ранее неразличимые из-за слепящего света, ныне опять неразличимы, поскольку воцаряется тьма.

ГОСТИНАЯ ЭЛЛИСОВ

Майкл в пижаме тяжело опускается в кресло. Его лицо выражает восторг.

Майкл (за кадром, в религиозном благоговении). Эти русские сукины дети. Они знали это с самого начала... Русские и инопланетяне... работают вместе...

Он медленно поднимается и зажигает лампу. Он разгуливает по комнате, всё ещё в состоянии мистической эйфории.

ВСТАВКА

На экране появляется "Пьета" Микеланджело. Она видна в течение какого-то мгновения, за которое мы успеваем её узнать.

ГОСТИНАЯ ЭЛЛИСОВ

Майкл расхаживает и улыбается.

ВСТАВКА

На экране мелькает вспышкой "Звёздное небо" Ван Гога.

ГОСТИНАЯ ЭЛЛИСОВ

Майкл выходит в дверь, ведущую в коридор.

ВАННАЯ ЭЛЛИСОВ

Майкл достаёт из аптечки несколько таблеток успокоительного, набирает воду в стакан.

ВОИНСКИЕ ПОХОРОНЫ

Под звуки траурного сигнала горна мы слышим рыдания какой-то женщины.

ВАННАЯ ЭЛЛИСОВ

Майкл глотает таблетки и запивает водой.

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ЭФФЕКТ

Медленно вращается ацтекский календарь. Причудливые механические и акустические шумы.

КАФЕ В КУЭРНАВАКЕ (МЕКСИКА)

Солнце по-прежнему накаляет столики, за которыми сидят одуревшие от жары американские туристы, тщетно пытаясь утолить жажду. Майкл и Кэти продолжают ту же беседу с Питером Стоуном. Из приёмника в отдалении доносится песня уже не "Битлз", а Бинга Кросби.

Питер Стоун. А что, если этот гриб действительно расширяет сознание, открывая головной мозг для новых сигналов? Тогда мы смогли бы воспринять новую реальность.

Майкл. Да, я понял, о чём ты говоришь. Это как изобретение нового научного инструмента, мозгового телескопа.

Лицо Кэти выражает изумление и испуг.

Питер Стоун. Всё правильно. Это своего рода генетический банк памяти.

Майкл. Чёрт возьми, я бы хотел попробовать.

Кэти. Майкл! Да ты шутишь.

Майкл. А почему не рискнуть? Мы никогда ничему не можем научиться, не экспериментируя.

Кэти. Но ведь это же почти что наркотик, да?

Питер Стоун (*превращаясь в уличного торговца, пытающегося что-то вам всучить*). Лекарства для тела снова и снова приводят к революционному перевороту в медицине. Не исключено, что наркотики, действующие на психику, вызовут революционный переворот в нашей целостной концепции реальности.

Он вынимает из кармана целлофановый пакет и кладёт его на стол. Майкл смотрит на него зачарованным взглядом.

Питер Стоун. Четыре-шесть грибочков изменят всё твоё представление о пространстве и времени. Ни один физик, занимающийся научными исследованиями, не должен упускать шанс...

Кэти (*испуганно*). Майкл, неужели ты намерен...

Майкл хватается за четыре гриба и быстро проглатывает. Его губы растягиваются в мальчишеской усмешке авантюриста. А ведь раньше мы и не подозревали, что он авантюрист. Он быстро делает глоток текилы, чтобы запить "плоть богов".

Кэти (*рассерженно*). Умоляю, Майкл, давай вернёмся в отель. Я хочу поискать того доктора, с которым мы вчера познакомились, не дай бог, возникнет осложнение...

Майкл (*пристыжённый*). Ничего не случится. Я чувствую себя совершенно нормально.

Кэти смотрит на него с беспокойством. Питер с насмешливым видом ждёт.

Майкл (*с закравшимся подозрением*). В чём дело, Питер? Ты что, любитель потешиться?

Питер. Слушай меня внимательно, Майкл. Ты пускаешься в путешествие, обещающее открытия. Все твои предыдущие убеждения будут поколеблены и расшатаны. Но тебе нечего бояться, если ты просто запомнишь три правила. Первое...

У ОРАКУЛА СИВИЛЛЫ В РИМЕ

Майкл в древнеримском офицерском одеянии. Помещение по-прежнему застилает дым курящихся благовоний. Прорицательница танцует и поёт.

Из дымной пелены внезапно выскакивают карлики и хватают Майкла. Его затягивают в самую гущу дыма, и мы не видим ни его, ни их.

В клубах дыма карлики заталкивают Майкла в какой-то сложный аппарат, напоминающий по форме пирамиду, которая изображена на долларовой купюре.

КАФЕ В КУЭРНАВАКЕ

Майкл в ужасе таращится на пирамиды, изображённые на американском долларе и мексиканском песо. Из пирамид выскакивают карлики, оббегают округ стола, вырастают до натуральной величины и вытягивают Майкла из кафе.

Судя по всему, Кэти и Питер этого не замечают. Кэти выражает недовольство по поводу миссионерского рвения Питера.

Кэти. Эй вы, я боюсь. Что вы сделали с моим мужем, чёрт вас подери?

Питер. Не волнуйтесь – с ним всё будет хорошо...

У СИВИЛЛЫ

Наконец карлики полностью заталкивают Майкла в аппарат пирамидальной формы.

МЕКСИКАНСКАЯ ПУСТЫНЯ

Майкл, с безумным взглядом, бредёт, пошатываясь, по выбеленной солнцем пустыне к гигантской пирамиде.

ВЕРШИНА ПИРАМИДЫ

Три, совершенно обнажённая, стоит на вершине пирамиды. Она выглядит так же соблазнительно и эротично, как девушка месяца с обложки "Плейбоя". Она делает Майклу приглашающий жест.

ВОЕННЫЕ ПОХОРОНЫ

Наконец камера придвигается достаточно близко, чтобы мы могли разглядеть среди скорбящих Кэти и Майкла. У неё мокрое от слёз лицо. Майкл окаменел от горя.

МЕКСИКАНСКАЯ ПУСТЫНЯ

Майкл поднимается по ступенькам пирамиды к обнажённой, обольстительной Три.

БАР В КЕМБРИДЖЕ

Майкл и Кэти сидят за столиком и празднуют. Прямо над их головами телевизор, и на его экране мы видим последние кадры "Года 2001-го" и слышим знакомую тему "Мировой загадки" Штрауса. Майкл и Кэти прекращают разговор и поднимают головы вверх, чтобы взглянуть на экран в тот момент, как появляется Звёздное Дитя и фильм заканчивается.

Майкл. Ну так вот, как я говорил, я не верю в эту догму о параллельных вселенных, пусть даже её поддерживает всё научное сообщество. Для меня достаточно одной вселенной.

Кэти (шутливо). А ты знаешь, сколько нужно мастеров дзэн, чтобы заменить перегоревшую лампочку?

Майкл. Я говорю серьёзно, чёрт побери. Я... а что, это интересно. Ладно. И сколько же потребуется мастеров дзэн, чтобы заменить лампочку?

Кэти. Двое. Один, чтобы её поменять, а второй – чтобы её не менять.

Телевизор над ними начинает подавать сигнал окончания вечерних передач. На экране появляется государственный флаг Великобритании и голос поёт "Боже храни королеву".

Майкл. Я понял. Один в этой вселенной, а второй – во вселенной по соседству. Я по-прежнему в это не верю. Одна вселенная за раз, я так считаю.

Кэти. Но если электроны находятся в любом вероятном состоянии, пока мы не вносим измерительные приборы... то любая вероятная вселенная – это реальность...

ОКОЛО БАРА. УЛИЦА В КЕМБРИДЖЕ

Майкл и Кэти идут к своей машине.

Майкл (полон сарказма, пьяный). Итак, мы выбираем вероятную вселенную всякий раз, когда выполняем субатомные измерения? А в соседней вселенной, я так полагаю, Вашингтон разгромил Арнольда и мы не граждане Британии?

Кэти (готовая защищаться, пьяная). Ну, здесь хотя бы больше смысла, чем в допущении о том, что эта чёртова вселенная на самом деле хаотична и не подчиняется никаким законам на квантовом уровне.

Мы слышим шум приближающейся машины, которую занесло.

Майкл. Уравнения не означают...

Машина, потерявшая управление, выскакивает на бордюр и вдавливая Кэти в стену. Она кричит. Ясно, что она не выдержит такой мощный удар и не выживет. На лице Майкла ужас и горе.

ГОСТИНАЯ ЭЛЛИСОВ

Майкл в оцепенении сидит на стуле и плачет.

Майкл проходит по комнате, изо всех сил пытаясь взять себя в руки. Он поднимается по лестнице.

СПАЛЬНЯ ЭЛЛИСОВ

Майкл застаёт Кэти в кровати, живую и спящую. Его сотрясают рыдания, и она просыпается.

Кэти. Что случилось, миленький? Страшный сон?

Майкл (в истерике). У меня нет слов, чтобы передать тебе, что я думаю и чувствую. Мы победили в американской революции или же мы по-прежнему британцы?

Кэти. Обними меня, любимый мой. Ну-ка, обними.

Майкл продолжает плакать, беззащитный, его тело конвульсивно подёргивается. Он забирается в постель и судорожно обнимает Кэти.

Кэти (ласково успокаивая). Это только сон, плохой сон. Правда. Всего лишь плохой сон.

Майкл высвобождается из её объятий и садится.

Майкл. Засыпай. Теперь со мной всё в порядке. Мне... надо немного пройтись.

Кэти выглядит неуверенной, но её одолевает сонливость. Она начинает снова засыпать, и перед тем, как провалиться в сон ухитряется пробормотать всего одну фразу.

Кэти. Я люблю тебя, Майкл.

Майкл. Я тоже тебя люблю.

Они на мгновение берутся за руки и сжимают их в знак давней нежной привязанности. Кэти закрывает глаза. Майкл секунду стоит, затем выходит.

ГОСТИНАЯ

Майкл что-то просматривает в книжном шкафу. Наконец находит книгу, которая ему нужна, и берёт её в руки. Мы читаем название: "Модель множественных вселенных в квантовой физике", д-р Брайс де Витт.

Он садится и погружается в чтение. Изображение постепенно исчезает.

КАБИНЕТ САЙМОНА

Крупный план: аквариум с рыбками. Камера отъезжает, и мы видим Майкла и Саймона, сидящих по разные стороны стола.

Майкл (всё ещё немного нервничая). Итак, если я не сумасшедший, то кто же я?

Саймон. Человек, у которого аллергия на сочетание некоторых лекарств.

Майкл заметно приободряется и расслабляется.

Майкл. Значит, всё это – лишь следствие принятых мною на днях лекарств?

Саймон. Возможно. Или же лекарства инициировали воспоминания, связанные с психоделическими грибами в Мексике двадцать пять лет назад. Если та память была настоящей...

Майкл. Думаю, да... если вообще что-либо в моей жизни было настоящим...

Саймон. До этого пункта мы ещё дойдём. Так что это за научный переворот, о котором ты говорил, как только сюда приехал?

Майкл (не решается). Ладно, только обещай, что не решишь после всего, что я псих... Я подумал, что могу сличить свои воспоминания и найти доказательство, что параллельные вселенные действительно существуют.

Саймон встаёт и кормит рыбок в аквариуме.

Саймон. Может, расскажешь об этом ещё раз... чуть медленнее? Не забывай, что я всего лишь простой психиатр.

Майкл. Большинство людей думает, что это просто научная фантастика. Как и большинство физиков... Но есть меньшинство, которое вот уже более двадцати лет считает, что параллельные вселенные – это простейшее объяснение уравнений Шрёдингера.

Саймон снова садится на свой стул.

Саймон. Уравнения Шрёдингера? Ты можешь объяснить, что это такое, не вдаваясь в технические подробности?

Майкл. Похоже, что эти уравнения дают нам вселенную, которая не подчиняется никаким законам... вселенную неопределённости. Я признаю эту неопределённость. Большинство физиков тоже. Но некоторые юные радикалы утверждают, что неопределённости – это не просто математические вероятности... что у нас есть не одна вселенная, не подчиняющаяся законам, а бесконечное множество параллельных "законопослушных" вселенных.

Саймон. Я понял... кажется. В одной вселенной ты принимаешь шаманские грибы, а в другой – нет.

Майкл. И в одной вселенной мы британские подданные и Кэти задавила машина. В другой вселенной мы американцы и Кэти жива...

Саймон. И ты считаешь парапсихологов чужаками? *(Фыркает от смеха)* Давай-ка выйдем отсюда и подышим свежим воздухом. И позвони Кэти. Вероятно, она уже проснулась и беспокоится.

ДЕНЬ. ПАРК В КЕМБРИДЖЕ

Мы видим прогуливающих в отдалении Майкла и Саймона. Звучит мелодия песни "В один прекрасный день ты увидишь вечность".

ДРУГОЙ КОНЕЦ ПАРКА

Майкл и Саймон гуляют. Музыка затихает, и мы начинаем слышать голос Саймона.

Саймон. Порой у самых мрачных тайн бывают самые банальные объяснения. Когда я служил агентом в военной разведке, я три месяца следил за одним парнем. Его подозревали в том, что он продавал русским какие-то секреты, или воровал армейское имущество, или делал что-то ещё в этом роде. А оказалось, что он просто ловко изменял жене и вёл себя свехосторожно.

Майкл и Саймон гуляют.

Саймон *(за кадром)*. После завтрака нам надо поговорить с Кэти. Она заслуживает того, чтобы знать... и, возможно, она сможет пролить некоторый свет на то, какие воспоминания реальны...

Камера показывает крупным планом спину мужчины, который идёт на некотором расстоянии позади Майкла и Саймона. Когда парковая дорожка поворачивает в сторону, мы видим его сбоку и узнаём в нём человека в машине, следившего за Майклом. Жутковатый музыкальный аккорд.

Человек замедляет шаг и к нему присоединяется Питер Стоун, на двадцать лет старше, чем в Мексике, но моложавый и по-прежнему жёсткий.

Человек. Не густо. Они проболтали половину ночи.

Питер. Я тебя сменю.

Человек уходит. Питер следует за Майклом и Саймоном. Мы снова слышим мотив "В один прекрасный день ты увидишь вечность". Затемнение.

КАБИНЕТ САЙМОНА

Камера отъезжает обратно и останавливается. Мы видим Майкла с Кэти, сидящих в креслах для клиентов, и Саймона, сидящего за столом. Кэти ошеломлена. Майкл напряжён, но внешне держится спокойно.

Саймон *(заканчивая)*. У меня есть друг в Нью-Йорке, психиатр по имени Джо Гольдфарб, у которого было около – так, дайте вспомнить – двадцати или двадцати пяти подобных случаев. Эти случаи связаны с воспоминаниями или псевдовоспоминаниями о похищениях или сексуальных нападениях со стороны экипажей НЛО. С отбором генетических проб. Или что там это на самом деле.

Кэти *(нерешительно)*. Я удивлена меньше, чем следовало бы.

Пауза. Благожелательный взгляд Саймона ободряет её, и она продолжает.

Кэти. Майкл, дорогой, я всегда знала, что что-то... не так... *(быстрая улыбка)*, но не в том плане, о котором я могла бы написать Энн Лэндерс...

Майкл. Большую часть моей жизни это были просто бредовые сны... пока не этот случай с зубной болью и приёмом лекарств два дня назад.

Саймон. Что за бредовые сны?

Майкл. Не в смысле НЛО или реинкарнаций... *(Усмехается)* Параллельные вселенные. В одной из них я по-прежнему здесь, преподаю в Гарварде, но мы не британская колония. Это Испанские Штаты Америки...

Саймон *(Кэти)*. Это правда, что многие молодые физики верят в параллельные вселенные?

Кэти *(быстро)*. Да... и некоторые из них – это самые светлые молодые умы, цвет науки.

КЭТИ КРУПНЫМ ПЛАНОМ

Кэти. И я чувствую, что мне легче принять это, чем реинкарнацию... или карликов из космоса...

Майкл *(вдруг с очевидной напряжённостью)*. "Меня изнасиловали карлики из космоса!" Господи, что подумали бы мои коллеги по Ассоциации Учёных Скептиков? Что подумал бы весь наш чёртов факультет?

Саймон *(шутя, чтобы они немного расслабились)*. Это ещё что. "Я убил Христа, а затем меня изнасиловали карлики с Марса".

Кэти. Майкл, послушай. Я не психолог, но уверена, что Саймон со мной согласится. Если человеческий разум сталкивается с невообразимым в буквальном смысле, он создаёт защитную память. Разве это не так называется?

Саймон. Да. Это называется именно так.

Кэти (Саймону). Так вот, если параллельные вселенные существуют и сознание некоторых людей время от времени может совершать что-то вроде путешествий между ними, то для большинства людей это было бы буквально немыслимо. Представь. Что ты встречаешь Джона Кеннеди во вселенной, в которой он никогда не был в тот день в Далласе. Или видишь картины Гитлера в респектабельном художественном музее. Тогда просто пришлось бы создавать защитную память, чтобы объяснить свой опыт.

Майкл (неуверенно). Но в связи с этой теорией возникает одна проблема. Параллельные вселенные могут быть защитной памятью для... *чего-то другого.*

КОМНАТА В СТУДЕНЧЕСКОМ ОБЩЕЖИТИИ

Кэти. ...создания, объявляющие себя ангелами, – это, возможно, дьяволы... демоны из ада – пытающиеся в тебя войти и...

КАБИНЕТ САЙМОНА

Саймон. Давайте пока вернёмся к русским.. Помните "Лезвие Оккама" – надо искать простейшее возможное объяснение.

На лицах Майкла и Кэти написано выражение удивления, смешанного с интересом.

Саймон. Действительно, пару лет тому назад в КГБ разработали проект, предусматривающий использование экстрасенсов с целью воздействия на сознание западных политиков. Есть документальные подтверждения. Не исключено, что у них возник ещё один проект – поработать над сознанием западных учёных...

АУДИТОРИЯ В ГАРВАРДЕ

Камера показывает молодого Майкла, который внимает лекции, и Питера Стоуна, осторожно наблюдающего за Майклом.

Саймон (за кадром). А что, если они "разрабатывают" тебя долгие годы, держат под наблюдением, тонко на тебя воздействуют...

КАФЕ В КУЭРНАВАКЕ

Питер подталкивает Майклу через стол пакетик с шаманскими грибами.

КАБИНЕТ САЙМОНА

Кэти приходит в себя первой.

Кэти. Ты пытаешься нам помочь или хочешь. Чтобы мы наделали в штаны от страха?

Саймон. По чуть-чуть того и другого. Я хочу. Чтобы вы полностью отдавали себе отчёт в нашем абсолютном невежестве в этой сфере человеческого опыта. Вашем невежестве. Моём невежестве. Невежестве всего научного мира.

Саймон встаёт и начинает расхаживать.

Саймон. Кто-то из вас что-нибудь слышал о Машине Воздействия?

Майкл и Кэти отрицательно мотают головой.

Саймон. Более сотни лет в психологической литературе появляются статьи на эту тему. Некоторые психотики, в особенности шизофреники, убеждены в существовании Машины Воздействия, которую используют их враги, чтобы влиять на их мозги. Именно так они пробуют объяснить своё эксцентричное восприятие действительности. *(Останавливается у окна, оборачивается)* В каждом десятилетии пациенты с психическими расстройствами описывают Машину Воздействия по-новому. Сначала она состояла из шестерёнок и рычагов. Потом стала больше похожа на радиоприёмник. Затем на телевизор. Теперь это что-то вроде современного компьютера.

Кэти (осторожно). Саймон, к чему ты клонишь?

Саймон. Последние несколько лет я много думал об этом... Воображаемая Машина Воздействия, выдуманная шизофрениками, становится всё более и более похожа на то, что мы в состоянии воспроизвести технологически. Их выдумки перестали казаться такими уж фантастическими.

Он подходит к книжному шкафу и указывает на нейростимулирующий аппарат.

Саймон. Вот устройство, которое я часто использую в работе с пациентами, страдающими депрессией. *(Берёт в руки наушники)* Они слышат звучание на низкой частоте альфа-волн. *(Берёт в руки защитные очки)* И видят свет. Вспыхивающий с той же частотой.

Кэти. Да... Я слышала о таких штуковинах. Частота мозговых волн пациентов настраивается на частоту звука и света. В результате они здорово расслабляются.

Саймон. И становятся добродушными. На какое-то время цикл депрессии прерывается. Но если я устанавливаю частоту звука и света ещё ниже, в диапазоне дельта-волн, около семидесяти процентов субъектов переживают "выход из тела" – как пережил два дня назад и ты, Майкл. Давай сейчас не вдаваться в объяснения этого факта. Примем это как данность. Они говорят, что им *кажется*, будто они находятся вне тела. Обычно где-то под потолком...

Кэти. И много уже таких машин?

Саймон. Это быстро растущий рынок. Последний раз, когда я подсчитывал, таких аппаратов, воздействующих на мозговые волны. Был, по меньшей мере, десятков пять. Большей частью они используются в больницах для купирования неустрашимой боли. С ними экспериментирует несколько психологов при лечении психических заболеваний. Но это только те машины, о которых мы знаем.

Пауза. Все трое обмениваются взглядами.

Саймон. Я не вижу, почему бы в таком случае невозможно было запрограммировать машину на любой вид мозговых изменений, которые мы только способны представить. Такая машина могла бы даже работать на расстоянии – как параболический микрофон. Стоит навести его на какого-нибудь психа-террориста, – и он утихомирится и отпустит своих заложников. Или... наведите его на парня, который вам не нравится. Измените программу, – и его dokonают галлюцинации.

Кэти. Это шло бы под грифом "совершенно секретно". В курсе было бы лишь несколько самых высоких должностных лиц. Ведь так, Саймон?

Саймон пересекает комнату и снова садится. Мрачный музыкальный аккорд. Все озадачены и погружены в глубокую задумчивость.

Саймон. Мы просто пробуем разные модели интерпретаций... мы ещё ничего не *знаем* наверняка. Машина Воздействия – не более чем очередной плод воспалённого воображения. По-моему. Вам обоим надо пойти домой и сравнить воспоминания... и начать обзванивать старых друзей, чтобы установить, какие из ваших воспоминаний, в которых вы расходитесь, – подлинные. Я хочу позвонить Джо Гольдфарбу в Нью-Йорк и выяснить. Не согласится ли он вылететь сюда на консультацию.

Майкл. Он уфолог?

Саймон. Ему не понравилось бы такое определение. Он психиатр. Имевший дело со многими случаями травматического ока, в которых у жертв были такие же странные воспоминания. Как и у тебя. В том числе и воспоминания о карликах, которым нужна была наша сперма... неизвестно для чего...

УЛИЦА ПЕРЕД ДОМОМ, ГДЕ РАСПОЛОЖЕН КАБИНЕТ САЙМОНА

Мы видим, как Питер Стоун следит за Майклом и Кэти, которые удаляются от дома. На протяжении пятнадцати секунд звучит одинокая зловещая нота. Медленное затемнение.

ГОСТИНАЯ ЭЛЛИСА

Кэти говорит по телефону.

Кэти. Да... Сейсмическая активность в Южной Калифорнии в 1952 году...

Майкл занимает второй телефон.

Майкл. Да, я тоже ужасно рад слышать твой голос, мама... Слушай, хочу задать тебе странный вопрос...

БАР

Майкл и Кэти потягивают спиртное, но они не так сильно выпившие, как в сцене параллельной вселенной. В телевизоре над ними звучит сигнал окончания вечерних передач, но на экране развевается американский флаг, а не "Юнион Джек" Соединённого королевства.

Кэти (продолжая разговор). Ну что ж, в любом случае, того землетрясения не было. В ту ночь. Вот и всё, что нам удалось до сих пор выяснить.

Майкл. Но моя мама действительно помнит какого-то психа, который звонил мне по телефону и разыгрывал из себя инопланетянина. Надеюсь, это действительно был псих... (быстро выпивает очередную рюмку).

Мимо их столика неожиданно проходит Три.

Кэти. О, Три... Привет!

Три (скрывая эмоции). О, доктор Эллис. И доктор Эллис. Приятная встреча.

Майкл (тоже маскируясь). Мисс Три! Рад вас видеть.

Кэти. Может, присядете и выпьете с нами?

Три и Майкл очень быстро обмениваются совершенно загадочными взглядами. Он кивает в знак согласия.

Три (*присаживаясь рядом с Кэти*). Только на минуточку. Я работаю над одним большим проектом.

Майкл (*свободно*). Знаете, в тот вечер, когда вы у нас были, я так и не выяснил, в какой сфере вы работаете...

Три (*бесстрастно, предчувствуя его реакцию*). Логика.

Майкл (*с видимым испугом*). Логика? Вы специализируетесь по логике?

Кэти (*мягко*). Майкл...

Майкл. Так что это за большой проект, который вы должны закончить именно сегодня?

Три. Я не должна о нём рассказывать, но... ну ладно... Это связано с нормальными людьми, которые видят такие вещи, которые кажутся ненормальными. Я помогаю доктору Селину и его другу по фамилии Гольдфарб.

Теперь настала очередь Майкла и Кэти тайно обмениваться взглядами.

Майкл. Джо Гольдфарб... да, Саймон как-то о нём упоминал. Это он лечит людей, получивших психическую травму в результате контакта с НЛО... Верно?

Три. Я не могу больше ничего говорить. Возможно, здесь замешано правительство.

Камера отъезжает назад. Мы видим, как какой-то человек вставляет монетку в музыкальный автомат. Камера возвращается обратно к столику.

Три. Ну а над чем вы оба в последнее время работаете? Надеюсь, не над новыми бомбами?

Майкл (*легко*). Мы исследуем теоретические условия существования параллельных вселенных. Каждый электрон буквальным образом находится в каждом вероятном состоянии где-то в суперпространстве...

Из музыкального автомата доносится песня "В один прекрасный день ты увидишь вечность", на этот раз со словами. Майкл замолкает, завороченный текстом. Мы видим, что каждый из сидящих – Майкл, Кэти и Три – довольно эмоционально реагирует на эту песню.

Слова. В один прекрасный день оглянись вокруг,

И ты увидишь. Кто ты такой.

В один прекрасный день ты будешь изумлён

Тем, как свечение твоего существа затмевает

свет любой звезды...

Крупный план Майкла; на его лице – искреннее благоговение и неуверенность.

Майкл (*неожиданно*). Я тот самый человек, который, оставаясь нормальным, видит вещи, которые кажутся ненормальными. Тот самый, который пробудил интерес Саймона к этому проекту.

Теперь изумление написано на лице Три.

Три. Вы! Я думала, что вы относитесь к тому типу людей, которые блокируют такого рода восприятие... отключаются от него...

Майкл. Долгие годы так оно и было... но наконец это настигло и меня...

Пауза. Мы снова слышим песню, звучащую в музыкальном автомате.

Музыкальный автомат. В один прекрасный день ты увидишь вечность... на веки вечные... и бесконечность...

Затемнение.

НОЧЬ. УЛИЦА ПЕРЕД БАРОМ

Это сцена, которую мы уже видели, но теперь с участием Три.

Кэти (*с юмором*). Итак, Шрёдингер доказал, что кот жив и мёртв одновременно. Но ведь и я тоже. И вы тоже... в разных вселенных...

Мы слышим рёв приближающейся машины.

Майкл (*тоже не прочь поострословить*). А если рассмотреть генетику зачатия... любой, кто рождается мужчиной в одной вселенной, в другой вселенной рождается женщиной. А каждая наша женщина в другом мире – мужчина. Можете себе представить Хью Хефнера¹¹ женщиной?

Мы слышим, как машину заносит и она влетает на тротуар. Майкл хватается за Кэти и отдёргивает её назад. Три отпрыгивает сама. Машина врежется в стену, не причинив вреда никому из них троих.

Майкл (*потрясённый*). Кэти только что погибла в соседней вселенной.

Три и Кэти таращатся на него.

СПАЛЬНЯ ЭЛЛИСОВ

Кэти спит беспробудным сном. Майкл беспокойно мечется во сне. Камера наезжает на Майкла, который говорит во сне.

Майкл (*с болью*). Чарли...

¹¹ - Хью Хефнер – издатель журнала "Плейбой".

ПЛЯЖ

Кэти и Майкл с сынишкой весело бегут в купальных костюмах.

МАЙКЛ В ПОСТЕЛИ

Он стонет от горя.

КУХНЯ ЭЛЛИСОВ

Майкл варит кофе. Малыш Чарли, в возрасте трёх лет, рассматривает ложку.

Чарли (довольный собой). Знаешь, почему называется "ложка"?

Майкл (нежно). Нет, Чарли. Расскажи мне почему.

Чарли (с гордостью). Потому что её *ложат* на стол!

Майкл счастлив. Он тискает малыша.

Майкл. Ах ты, моя умница! Ах ты, мой сообразительный!

ГОСТИНАЯ ЭЛЛИСОВ

Чарли, молодой человек лет двадцати, говорит прямо в камеру, убеждённо.

Чарли. Я знаю, что я могу получить отсрочку от призыва, чтобы закончить учёбу, но я люблю эту страну, папа. И служить – это мой долг.

ГАРВАРДСКИЙ ДВОР

Скандирующие студенты-радикалы.

Студенты. Раз! Два! Три! Четыре! Пять! Прекратите воевать!

КРУПНЫЙ ПЛАН. ПЕРВАЯ ПОЛОСА ГАЗЕТЫ

Фотография Чарли в военной форме. Заголовок.

ЧАРЛЬЗ ЭЛЛИС ПАЛ В БОЮ

Шрифтом помельче:

СЫН ДВУХ ГАРВАРДСКИХ УЧЁНЫХ

ПОХОРОНЫ

Мы слышим скорбный траурный сигнал горна. Камера медленно, очень медленно приближается к Кэти, рыдающей всё более и более истерично. Наконец её рыдания заглушают горн.

Лицо Майкла мертво, эмоций не осталось. Кэти продолжает рыдать, но он ничего этого не слышит, совсем ничего.

ОКОЛО ДОМА ЭЛЛИСОВ

Многочисленные скорбящие пытаются найти слова утешения и ободрения. Кэти старается держаться и выражать своим видом признательность. Майкл похож на зомби.

СПАЛЬНЯ

Кэти валяется на кровати и безутешно рыдает. Майкл сидит, осторожно растирая её плечи.

СПАЛЬНЯ

За окном спустились сумерки. Кэти уснула. Майкл поднимается и выходит из комнаты.

ГОСТИНАЯ

Майкл решительно подходит к одной из стен. Он снимает памятную табличку, вручённую ему в честь присуждения какой-то научной награды. Он начитает холодно и методично разбивать её об угол письменного стола. Он постепенно вскипает и разбивает обломки на всё более мелкие кусочки, задыхаясь и судорожно лоя ртом воздух. С его уст срывается крик – не крик, а рёв, он рычит, но не от муки, а от бешенства. Он вновь и вновь колотит обломками таблички по краю стола.

СПАЛЬНЯ

Майкл ворочается в постели, рядом спит Кэти. В дверях появляется Чарли, без формы, в обычной штатской одежде.

Чарли. Не надо, папа. Не горюй. Я буду всегда.

Майкл *(разговаривая во сне).* Чарли... Это возможно?

Чарли. Я буду всегда. Мы все... всегда...

Чарли исчезает. Майкл проваливается в глубокий сон без сновидений.

КАБИНЕТ САЙМОНА

Саймон. Доктор Майкл Эллис и доктор Кэти Эллис. Мой старый друг доктор Джо Гольдфарб.

Майкл явно удивлён.

Гольдфарб. Саймон вас не предупредил, что я карлик?

Майкл. Я... э-э...

Гольдфарб *(невозмутимо).* Вы к этому привыкнете. Лично я привык. Более того, я даже заметил, что это помогает мне в терапии. Особенно с депрессивными пациентами. Всё кончается тем, что они начинают жалеть *меня*. Вы просто не поверите, какое на самом деле это достижение. Большинство невротиков никогда не жалеет никого, кроме себя.

Пауза.

Гольдфарб. Вы что-нибудь слышали о ГKKП?

Майкл. Нет.

Гольдфарб. Я его создал. Он ещё не получил широкого распространения, но только лишь потому, что мои коллеги почти все засранцы. Поделиться с вами моей мудростью?

Саймон *(улыбаясь).* Тебя невозможно остановить, Джо.

Гольдфарб. ГKKП расшифровывается как Гольдфарбовский Каталог Космических Придурков. Назван по имени создателя. Без ложной скромности. Саймон, можешь припомнить три случая, когда ты вёл себя на этой неделе как Космический Придурок?

Саймон. Я могу припомнить по меньшей мере с десяток таких случаев.

Гольдфарб. Хорошо, хорошо. Тогда ты не стопроцентный Космический Придурок. А как вы, Майкл?

Майкл. Я был Космическим Придурком *всю* неделю.

Гольдфарб. Прекрасно. Кэти?

Кэти *(улыбаясь).* Три раза как минимум.

Гольдфарб. Замечательно, комната полна людей, которые выздоравливают от Чумы Номер Один, которой болеет человеческая раса, – от Космической Придурковатости. А знаете ли вы, почему большинство людей *никогда* не выздоравливает? Потому что они никогда не признают, что действуют как Космические Придурки. Они боятся потерять лицо. Поэтому навсегда остаются Космическими Придурками.

Майкл устало садится.

Майкл. Четыре дня назад я принадлежал к этой категории. Я бы никогда, никогда не признал, что в чём-нибудь ошибаюсь.

Гольдфарб. Да, Саймон вкратце ввёл меня в курс дела. Не знаю, насколько это вас удивит, но у меня лечилось ровно тридцать два человека – как мужчин, так и женщин, – которые утверждали, что лысоголовые инопланетяне атаковали их гениталии.

Странная одинокая высокая нота на звуковой дорожке. Каждый смотрит на кого-нибудь другого. Заметно, что Майкл из всех сил пытается собой овладеть.

Майкл. Саймон говорил, что у вас есть определённый опыт работы с такого рода штукой... травматическим шоком...

Гольдфарб. Саймон говорил вам то, что вы готовы были услышать. У вас был ещё один день, чтобы об этом подумать. Вы сумеете вынести большую часть правды. Травматический шок – это лишь часть проблемы.

Майкл. Отлично. Я весь внимание. Рассказывайте.

Гольдфарб. "Галлюцинация" – это не самое подходящее слово для вашего опыта. Назовём это *ускоренным изменением состояния мозга*. При этом вы получаете возможность узнать миллион новых вещей с огромной скоростью.

Майкл. Всё, что я пока узнал, – это широкие... огромные... глубокие... почти бесконечные пределы моего собственного невежества.

Гольдфарб. Вы перестали быть Космическим Придурком, который этого не знает, и стали Космическим Придурком, который это знает. Сократ считал это началом мудрости. Но в действительности вы узнали много больше. Вспомните.

Майкл. Я узнал, что у меня гораздо больше сомнений по поводу ядерных исследований, чем когда-нибудь себе признавался. Тридцать лет назад я перестал говорить вслух вещи, которые могли бы угрожать моему допуску к секретной работе и секретным материалам. Постепенно я перестал думать о таких вещах. Я утратил частицу себя...

Слышен стук в дверь. Саймон встаёт и открывает её.

ДВЕРЬ

На пороге стоит Три с огромной компьютерной распечаткой какого-то графика. Она впервые консервативно одета, но по-прежнему выглядит ошеломляюще.

Три. О, привет, Кэти... Майкл...

Саймон. Заходи. Сейчас Майкл и Кэти входят в нашу исследовательскую команду. А это Джо Гольдфарб из Нью-Йорка.

Три проходит в комнату. На неё обращены взгляды всех мужчин. Она вешает свой график на книжном шкафу.

Три. Саймон, я знаю, что Майкл – твой... э-э... субъект. Он рассказал мне вчера вечером.

Быстрый обмен взглядами между Саймоном и Майклом. Кэти это замечает и выглядит озадаченной.

Три *(пытаясь оправдаться)*. Я встретила Майкла и Кэти в баре. Они рассказали мне о... видениях Майкла. Как бы там ни было, вот логическая карта информационных потоков вероятностей. Я воспользовалась диаграммами Венна.

Камера показывает логическую карту, выполненную в виде множества кружков, причём одни кружки находятся внутри других, некоторые полностью отделены от остальных, а кое-какие перекрываются.

Три. Здесь мы видим совершенно субъективные теории... галлюцинации или травмы. Я разделила их на психологические, как, например, фрейдистские или юнгианские, и физиологические, как землетрясения, автомобильные катастрофы или лекарства, которые давали Майклу ты и дантист... Теперь... здесь мы видим объективные теории... реальных инопланетян, или какую-нибудь группу заговорщиков, которая этим занимается и "фабрикует" инопланетян, или параллельные вселенные, трансгрессию во времени, трансгрессию в пространстве и так далее... а вот этот путь – это Бог, или Чудеса. Тот, кто не обладает религиозным опытом, может придумать любые другие системы отсчёта, чтобы уберечься от... ну, скажем так, *(улыбается)* руки Господней, пытающейся на него воздействовать...

Майкл. Это какая-то философская лапша... Нам никогда её не распутать. Господи, больше половины кружков перекрываются.

Три. Мне пришлось так сделать, ведь это чистая логика. В одно и то же время может быть истинна более чем одна из этих теорий.

Саймон *(подсказывая)*. Инопланетяне и русские работают вместе... Ты сам думал об этом, Майкл.

Кэти *(надевая очки)*. Но вон то перекрывание, там... Бог и русские?

Саймон. Начнём отсюда, с русских. То ли они находятся в контакте с инопланетянами, то ли они это фальсифицируют. Оба мостика спускаются вниз, вот сюда, – они могут управлять сознанием с помощью какой-то неизвестной технологии.

Кэти. У вас была пара дюжин таких случаев, Джо... а сколько, по вашим прикидкам, таких случаев по стране в целом?

Гольдфарб. Дело в том, что... Чаще всего люди, прокатившиеся на таких вот "американских горках", вообще не хотят никому об этом рассказывать. Возможно, то, что просачивается в средства массовой информации или даже в бульварные газеты, – просто верхушка айсберга. Я не исключаю, что таких случаев миллионы.

Майкл. Что вы, чёрт побери, на самом деле думаете, Джо?

Гольдфарб *(осторожно)*. Однажды я читал про одного кокни, рыночного торговца, которому было видение Бога... Он ходил и каждому встречному рассказывал, что "Бог прекрасен, как бочка яблок".

Кэти *(тронула)*. Единственный образ для определения красоты, который у него был...

Гольдфарб. Мы, психиатры, знаем, что сознательное эго – не более чем обусловленный механизм, как у крыс в лаборатории... истинное "Я" – это нечто намного большее... и мы не знаем, насколько большее... Возможно, Восток прав и истинное "Я" вмещает в себя всю вселенную, прошлое, настоящее, будущее, весь пространственно-временной континуум.

Три *(с прорвавшейся нежностью)*. Майкл, то, что он говорит, означает, что мистическое переживание может появиться у каждого... если вы атеист, то это не будет похоже на Бога, но вы будете потрясены и согнуты в бараний рог не хуже, чем рукой Господней. И так будет, пока вы не переродитесь в нового человека. Понимаете?

Кэти крупным планом. Она замечает нежный тон Три и вдруг осознаёт – мы видим, как она интуитивно это почувствовала, – что Майкл и Три были любовниками. Её лицо каменеет.

Майкл. Интересно... неужели это может быть так просто? Никаких параллельных вселенных или насильников из космоса, никаких ужасных русских...

Гольдфарб. Это совсем не просто. У вас масса эмоций и идей, которые надо обработать, – эмоций и идей, на которые вы боялись обращать внимание годами и десятилетиями. (Чётко, прямо, объективно). Саймон сказал, что вы потеряли во Вьетнаме сына. Он совсем не появляется в ваших

видениях. Вы по-прежнему вытесняете из сознания своё горе... и Бог знает что ещё, связанное с Вьетнамом...

Майкл (спокойно). Я видел Чарли прошлой ночью. Во сне. Он был на небесах. Я не верю в небеса, но мне стало лучше.

Кэти смотрит на него сочувственно, но всё ещё разгневана на Майкла и Три.

Гольдфарб. Подсознание более милосердно и менее критично, чем наше расщеплённое сверхчуждое эго. Если в бодрствующем состоянии вы не верите в небеса, вы можете в них верить, пока спите. Это часть исцеления.

По лицу Майкла видно, что он начинает соглашаться и способен выдержать тяжесть этой Тайны. Саймон прочищает горло.

Саймон. Как психолог, я абсолютно согласен с моим уважаемым коллегой из Нью-Йорка. Как бывший шпион, я должен вам всем сказать, что здесь замешана не только психология... Такая тренировка, которую прошёл я, остаётся навсегда. Я иду по улице и замечаю татуировки и другие особые приметы людей. Я смотрю на окна, чтобы увидеть, не прячется ли за ними наёмный убийца, собирающийся метко выстрелить по проезжающей автоколонне.

Кэти. Что ты хочешь этим сказать?

Саймон. Я знаю, что три дня нахожусь под слежкой. Подозреваю, что за Майклом тоже есть хвост. Я уверен, что слежку установили, когда он впервые пришёл ко мне с этой историей.

Кэти. Может быть, она вовсе не связана со всей этой историей. Возможно, раз или два раза в год они делают такие выборочные проверки...

Гольдфарб. Я не верю в совпадения. Я скажу вам, что это. Мы стали раскапывать опасные вопросы. Мы нарушили Национальную Безопасность. Мы все вляпались, каждый из нас.

Майкл. Эй, давайте не обобщать... Я думаю, что всякий с таким допуском, как у меня, периодически находится под наблюдением...

Саймон. Всё правильно, мы не должны превращаться в полных параноиков из-за какой-то парочки шпионов. Это лишь ещё один фактор, который надо учесть...

Дверь открывается от сильного удара. Входят четверо мужчин в чёрных костюмах. Двое из них – Питер Стоун и человек, следивший за Майклом. Двух остальных мы видим впервые.

Питер (предъявляя удостоверение). Служба Безопасности США. Должен просить всех вас пройти за нами.

Кэти (в полном ужасе). О, Боже. Оказывается, всё гораздо хуже, чем мы могли себе представить.

Затемнение. Тишина. Пустой экран показывает, что проходит время.

МЕЖДУ ДВУМЯ ГОЛЫМИ БЕЛЫМИ СТЕНАМИ

Питер Стоун и ещё один агент то ли эскортируют, то ли тащат Майкла по коридору.

Майкл. Я лояльный гражданин... важный учёный...

Питер. А мы – орган правительства. Мы просто хотим вас защитить. Мы служим интересам избирателей.

Они подходят к голой белой двери в голом белом коридоре. Майкла пропускают в комнату. Оба агента остаются снаружи и плотно захлопывают дверь. Пауза. Затем мы слышим дикий вопль. Затемнение. Пауза, показывающая, что проходит время.

ПРИЁМНЫЙ ПОКОЙ ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ БОЛЬНИЦЫ

Между двумя санитарами стоит безразличный ко всему Майкл. Он не то накачан наркотиками, не то в состоянии кататонии. Сестра что-то пишет.

Первый санитар. Смит, Джеймс. Похоже на кататонию. Поместите его в специальную палату.

Камера движется вдоль чуть ли не бесконечного ряда шкафов и наезжает на роботизированный механизм с дистанционным управлением, который выдвигает ящик и вынимает папку. "Рука"-клепаша робота вытаскивает фотографию Майкла Эллиса. На фотографию опускается другое механическое устройство. Когда это устройство отодвигается, мы видим на фотографии клеймо "ОТСТАВКА".

ДЛИННЫЙ, ПОХОЖИЙ НА БИБЛИОТЕКУ ЗАЛ

Идёт собрание совета директоров Гарварда.

Президент. Следующий пункт повестки дня. Доктору Эллису с нашего физического факультета пришлось по состоянию здоровья переехать на Запад. Вношу предложение послать ему золотые часы в знак нашей признательности за его отличную работу в течение многих лет.

Член совета. Поддерживаю.

Президент. Есть возражения? Принято.

Затемнение. Пауза, указывающая, что проходит время.

ОГРОМНАЯ АУДИТОРИЯ (ТА ЖЕ, В КОТОРОЙ ПРОХОДИЛА ПРЕДЫДУЩАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ SSA)

За столом сидит группа белых учёных среднего возраста почти в том же составе, как и прежде, но председательствует теперь Карл. Рядом с ним сидит Питер Стоун.

Карл. Доктор Эллис, которому пришлось переехать в Аризону по состоянию здоровья, написал нам, что просит освободить его от обязанностей вице-президента Ассоциации Учёных Скептиков. Я бы хотел предложить на место доктора Эллиса кандидатуру Питера Стоуна.

Пожилой член совета. Поддерживаю это предложение.

Саймон (за кадром). Дайте мне сказать, чёрт побери!

ДАЛЬНИЙ КОНЕЦ АУДИТОРИИ

Саймон сражается с двумя дежурными на входе.

Саймон. Я хочу сделать заявление для прессы. Всё, что произошло, – это провокация. Все эти люди работают на ЦРУ...

Питер Стоун (за кадром). Пожалуйста, тихонько выведите этого беспокойного субъекта.

Саймон. Ещё в сороковые годы они заключили какую-то грязную сделку с инопланетянами и до сих пор скрывают это от нас. Они убили Кеннеди, когда ему стало известно, что...

Саймона тянут к выходу. Несколько репортёров с удивлением смотрят на "сумасшедшего".

Саймон. Я не сумасшедший, чёрт побери. Я сам психолог... Я знаю... Я видел... Я был свидетелем...

В ПРЕЗИДИУМЕ

Карл (прессе). Бедняга болен уже два года... Прошу вас, не надо ничего об этом писать... это поставит его семью в неловкое положение

ПАЛАТА В ПСИХИАТРИЧЕСКОМ ОТДЕЛЕНИИ

Майкл, в дешёвом больничном халате, ходит среди помешанных и находящихся в сумеречном состоянии соседей по палате. Вдруг из соседней палаты доносится совершенно безумный смех, он звучит всё громче, на какой-то момент становится пронзительным, потом захлёбывается.

Майкл (за кадром, вспоминая). "На дне Ада находятся ступени в Рай".

Затемнение. Пауза, показывающая, что проходит время.

ДОМ ЭЛЛИСОВ. ЗИМА

Падают снег, и мы слышим мелодию "Тихой ночи". К дому подъезжает машина и из неё выходит Кэти. У неё прибавилось седых волос, а на лице появилось больше морщинок. Она выгружает два тяжёлых пакета. Дверь открывается, и к Кэти выходит мужчина среднего возраста и приятной наружности, чтобы помочь ей занести вещи. Он или её новый муж, или любовник.

ГОСТИНАЯ ЭЛЛИСОВ

Майкловская афиша сериала "Стар Трек" исчезла, зато появилось несколько африканских статуэток. В остальном всё по-прежнему: такие же завалы книг и, как всегда, беспорядок.

Кэти. Том, будь ангелом... смешай мне очень сухой martini.

Она садится и начинает стаскивать галоши. Том выходит на кухню. Кэти устало вздыхает. Звонит телефон. Она снимает трубку.

Кэти. Кто? Нет, чёрт возьми, я не хочу с вами беседовать.

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА

На табличке надпись: "ЖУРНАЛ НЛО". На стенах висит дюжина набросков лысых карликов. Эти наброски сделаны разными контактёрами. Несмотря на небольшие расхождения, в целом все они очень похожи.

Журналист. Мне нужно лишь несколько минут вашего времени. Во множестве скандальных газет опубликованы слухи о вашем муже и НЛО-навтах. Мы в нашем журнале стараемся быть объективными. Нам нужны только факты.

ГОСТИНАЯ ЭЛЛИСОВ

Кэти. Прежде всего, он мой бывший муж. Последний раз я слышала о нём три года назад. Он находился в лечебнице в Нью-Мексико, или Аризоне, или где-то ещё. Больше мне добавить нечего. Прошу, прошу, прошу! *Прошу оставить меня в покое. (Раздражённо вешает трубку).*

Входит Том с двумя martini.

Том. Снова жёлтая пресса?

Кэти. О, Господи, Том. Нам придётся снова менять номер телефона. Я не выдержу.

Том *(целует её).* Почему бы просто не отключить телефон до Рождества? Потом нам поменяют номер.

Кэти. Ты ангел... Боже мой, как это ужасно, когда спятил твой муж. Когда человек, с которым ты прожила тридцать лет... буянит, бредит и крушит мебель... *(ясно, что сейчас она "помнит" события именно так)*, но и это ещё не всё, потом на тебя начинают охотиться эти вампиры, любители "жареного", и охотятся до сих пор...

Том отключает телефон.

Том *(целует её снова).* Ну, ну... Всё будет хорошо...

Медленное затемнение. Пауза.

ПАРК-АВЕНЮ, НЬЮ-ЙОРК

Уличное движение. Окно на высоком этаже.

КАБИНЕТ ДОКТОРА ГОЛЬДФАРБА

Доктор Гольдфарб выглядывает из окна и потягивается. Он поворачивается и нажимает на кнопку внутреннего переговорного устройства.

Гольдфарб. Следующий пациент.

Дверь открывается, и входит нервный тучный мужчина. Он изумляется, увидев, что Гольдфарб – карлик.

Гольдфарб. Присаживайтесь, мистер... *(смотрит на карточку)* Мориарити. Чем могу быть вам полезен?

МОРИАРИТИ И ГОЛЬДФАРБ

Мориарити. Я, э-э, слышал, что вы занимаетесь необычными случаями... людьми, которые видят, э-э, странные вещи.

Гольдфарб *(осторожно).* И о какого же рода странных вещах вы хотите мне рассказать?

Мориарити. Я видел такое... люди сказали бы, что я рехнулся... Я не уверен... Доктор, мне кажется, я видел в поле инопланетян, которые делали кое-что ужасное с коровами...

Гольдфарб *(быстро).* Я больше не занимаюсь такими случаями. Я напишу вам имя и номер телефона врача, который успешно работает в этой области. *(Записывает).* Психиатрия не стоит на месте, мистер Мориарити... Правильно подобранные лекарства вернут вас к нормальному состоянию за относительно короткий период времени...

Мориарити удручён. Медленное затемнение.

ВИД С ВЕРТОЛЁТА. ДЕНЬ

Мы смотрим вниз и видим религиозную общину где-то в горах Орегона или Северной Калифорнии. Мы опускаемся и видим пёстро одетых мужчин и женщин, которые работают в садах.

ЗАЛ ДЛЯ МЕДИТАЦИЙ

Среди медитирующих учеников мы замечаем Три. Звучит гонг. Ученики начинают подниматься.

ПРИЛЕГАЮЩИЙ САД

Три и молодой ученик идут и беседуют.

Парень. Я слышал, что когда-то вы работали с доктором Селином, который сошёл с ума.

Три. Да. Бедный Саймон.

Парень. А что с ним случилось?

Три. Он увидел лик Божий, но оказался к этому не готов.

Парень. Но как же могло так выйти, что доктор Селин увидел Бога, а кончил тем, что ходит и бредит о злонамеренных инопланетянах, наёмных убийцах ЦРУ и всем прочим в таком же духе?

Три. В мрачное средневековое монахи, приоткрывавшие завесу слишком быстро, начинали нести бред о демонах и чертях. Инопланетяне и агенты ЦРУ – это те же демоны, только современные. Пока

сознание не освободится от страха – полностью не освободится, каждое проявление Космического Разума воспринимается нами как что-то угрожающее и ужасное...

Парень. О, Боже...

Три. Ну вот, теперь ты знаешь, почему большинство людей никогда не приподнимает завесу... Они просто не смогут вынести того, что за ней увидят...

ПАРК ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЛЕЧЕБНИЦЫ

Крупным планом показан Майкл, с проседью в бороде, весело работающий в саду. В кадре появляются два психиатра.

1-й психиатр (2-му психиатру). У Джеймса прекрасно идут дела. Скоро можно его выписывать.

Психиатры удаляются, и Майкл снова принимается за работу. Камера отъезжает далеко назад и вверх, и мы видим, что он превратил весь в сад в гигантский пацифистский символ мира, видимый с высоты птичьего полёта.

ТЕЛЕСТУДИЯ

Мы видим телевизионного ведущего, которого уже видели раньше.

Телеведущий. И сегодня наша долгожданная вечерняя дискуссия о НЛО... с ведущими экспертами, которые представляют все основные точки зрения. Сначала справа, позвольте представить доктора Карла Мартина из Ассоциации Учёных Скептиков. Доктор Мартин?

Камера отъезжает назад. Мы видим за "круглым столом" Карла и Саймона и двух остальных приглашённых.

Карл. Моя позиция проста. Нет никакой загадки НЛО, вообще нет. Каждый объект, который мы исследовали, оказывался самым обычным прибором – метеозондом или вертолётном с яркими ночными огнями, а "свидетели" – это люди, стремящиеся заработать деньги, участвуя в преднамеренном обмане.

Телеведущий. Сильно сказано. Предстоит жаркий вечерок. Мистер Петри?

Мистер Петри. Доктор Мартин просто выражает взгляды определённых кругов. Мне же известны факты. Я находился на борту НЛО в течение трёх часов. Космические Братья эволюционировали гораздо дальше нас и прибывают сюда, чтобы спасти нашу планету от человеческой жадности, экологической катастрофы и ядерной войны. Мы должны приветствовать их с любовью...

Телеведущий. Мы слушаем это подробнее чуть позже, друзья. Доктор Кирк?

Доктор Кирк. Никто не знает, что такое НЛО. Я изучаю их в течение тридцати лет и сейчас знаю о них меньше, чем в то время, когда только приступал к исследованиям. Люди, которые хотят получать простые ответы, сами придумывают эти простые ответы. Если вам нужна правда, как мне, то вы понимаете, что простых ответов нет. Это не космические корабли. Это не галлюцинации. Это то, что просто не можем понять на современном этапе развития науки.

Телеведущий. Это как моя теща... Никакая наука не способна её понять... Доктор Селин?

Саймон (со взглядом Истинного Параноика). Это действительно инопланетяне, и доктору Мартину об этом известно. ЦРУ знает об этом ещё с сороковых годов, и группа доктора Мартина – это лишь вывеска, под прикрытием которой нелегально действует ЦРУ. Наше правительство заключило с ними – с космическими существами – соглашение ещё тогда, в сороковых годах. Акт о Национальной Безопасности 1948 года не имел никакого отношения к Холодной войне...

БАР В ДЕТРОЙТЕ

Посетители бара смотрят телевизор.

Саймон (продолжая). Сама Холодная война – это грандиозный обман. Национальная Безопасность – лишь вывеска, позволяющая правительству утаивать и скрывать всё, что оно хочет сохранить от нас в тайне, все подробности о том, как оно распродаёт нас инопланетянам... поработает нас...

Человек за стойкой. Эй, а ведь этот парень, может быть, прав. Я слышал про НЛО, который потерпел аварию в 1948 году...

Его спутница. Боже, Пит, не пугай меня. Я не хочу даже думать об этом.

Панорама бара.

Карл. Всюду, где бы ни появился доктор Селин, он делает безответственные заявления... Выдвигает обвинения без малейших доказательств...

Мистер Петри. Его загипнотизировали демоны из низшего астрала. Космические Братья поклоняются тому же Богу, что и мы, и действуют как Его вестники... Иисус был Космическим Братом...

Карл. Доктора Селина пришлось отправить из Гарварда в отставку из-за его психической неуравновешенности...

Саймон. Вы и ваши друзья из ЦРУ сфабриковали против меня дело...

Камера показывает человека в кожаном пиджаке. Он оплачивает счёт и поворачивается. Это Майкл Эллис. У него снежно-белая борода и безмятежное выражение лица.

Бармен. Уже уходишь, Адам?

Майкл. Пора возвращаться на работу.

У ДВЕРЕЙ БАРА

У обочины стоит такси. Майкл садится на место шофёра. Оглядывается. К машине бежит женщина, махая рукой. Он открывает для неё дверцу.

В ТАКСИ

Майкл. Куда вам, леди?

Женщина лет тридцати пяти, симпатичная и очень взволнованная.

Женщина. В больницу Сент-Джон.

Майкл. Надеюсь, ничего серьёзного?

Женщина. Мой муж... У него сегодня случился инфаркт...

Майкл. Знаете, леди... иногда у меня бывают предчувствия. Мои друзья говорят, что я медиум. Я думаю, что с вашим мужем будет всё в порядке.

Женщина. Благодарю вас, мистер. Мне бы очень хотелось вам верить.

Майкл *(с непререкаемым авторитетом).* Миссис Буковски, вы можете мне верить.

ФАСАД БОЛЬНИЦЫ

Такси подъезжает ко входу.

ВНУТРИ ТАКСИ

Женщина *(протягивая Майклу деньги).* Эй, а как вы узнали мою фамилию?

Майкл. Я же сказал, что иногда у меня бывают интуитивные прозрения...

У БОЛЬНИЦЫ

Женщина выходит из такси. У неё уже чуть более спокойный вид. Такси тотчас срывается с места и уезжает. Она изумлённо смотрит на ладонь.

Женщина *(кричит вдогонку).* Эй, вы ошиблись... Вы дали мне на сдачу стодолларовую купюру...

НА УГЛУ УЛИЦЫ В ДЕТРОЙТЕ

Из букмекерской конторы выходит человек. К нему подъезжает такси.

Майкл. Привет, Натан!

Натан. Господи, никак снова Золотой Мальчик.

Натан наклоняется к машине и протягивает Майклу пачку денег.

Натан. Никто не понимает, как тебе это удаётся... Все были уверены. Что эта собака прибежит самой что ни на есть последней.

Майкл *(легко).* У меня предчувствие.

Натан. Ну что ж, мистер Антропос, вы хороший человек, но я бы хотел, чтобы вы перекочевали со своим бизнесом к другому букмекеру. Вы меня сделаете банкротом. Я заработаю себе грыжу, таская весь день на себе ваши выигрыши в ожидании, когда вас увижу.

Майкл *(серьёзно).* Я делаю ставки только тогда, когда мне нужны деньги.

Натан. Господи, надеюсь, вам не понадобятся деньги в ближайшие несколько недель.

РАССВЕТ

Майкл паркует машину перед дешёвым пансионом.

НАРУЖНАЯ ЛЕСТНИЦА ПАНСИОНА

Майкл поднимается по наружной лестнице. Внизу на тротуаре появляется чернокожий мужчина.

Чернокожий. Вы Адам Антропос?

Майкл. Да, это я. Вы попали в беду, мистер... м-м...

Чернокожий. Джордж Бридж. Можно мне подняться и побеседовать с вами?

Майкл. Моя слава растёт... Поднимайтесь.

ДЕШЁВАЯ КОМНАТА, ОЧЕНЬ ЧИСТАЯ, НО БЕДНО ОБСТАВЛЕННАЯ

Майкл варит кофе. Джордж нервно сидит.

Майкл. Рассказывайте.

Джордж. Говорят, вы творите чудеса.

Майкл. Нет... Я показываю людям, как они сами могут совершать чудеса. Говорите, Джордж, что вам нужно?

Джордж. Мой ребёнок. Ей только шесть лет... Доктор сказал, что у неё лейкемия. Он говорит. Что она не протянет и года.

Майкл ставит две чашки кофе и садится за стол рядом с Джорджем.

Майкл. Доктора не знают всего. Пейте кофе.

Пауза, пока оба отхлёбывают кофе маленькими глотками.

Майкл. Вы знаете, кто здесь держит торговлю крэком?

Джордж (с подозрением). Почему вы спрашиваете? Кто вы?

Майкл. Допустим, вы знаете человека, который этим делом занимается... Я знаю, где он может устроиться на честную работу. Она не так высоко оплачивается, но я гарантирую, что его не застрелят ребята из конкурирующей банды и что его не посадят в тюрьму.

Джордж (в страхе). Мать твою... Вы именно такой, как мне вас описали. Парень, так ты говоришь, что, если я хочу получить от тебя помощь, я должен завязать?

Майкл. Нет, я не ставлю условий. Просто иногда я предлагаю больше, чем меня просят. У меня бывает предчувствие... Мне кажется, через несколько дней могут обнаружить ваш труп, если вы не выйдете из игры сейчас.

Джордж. Как насчёт моей малышки?

Майкл. Она в порядке. Поверьте мне. Доктор вам это подтвердит сегодня к вечеру. Он назовёт это спонтанной ремиссией.

Джордж. Сколько денег вы за это берёте?

Майкл. Нисколько. Я получаю деньги... иными способами... (Пишет) Вот имя и адрес. Сходите и узнайте там насчёт работы.

Джордж долго на него смотрит, недоумевая.

Джордж. Ладно, друг, можешь не опасаться высокого уровня преступности. Если моя малышка выживет, как ты говоришь. Я замолвлю словцо. Никто никогда не тронет тебя даже пальцем.

Майкл. Спасибо. Словцо уже замолвлено. У меня много.... клиентов.

Джордж уходит, поклонившись в знак глубокого уважения. Майкл допивает кофе и относит обе чашки в раковину. Он обходит кровать, и мы видим коврик для медитаций. Майкл садится в классическую позу лотоса и мгновенно погружается в состояние глубокой медитации.

Индийский шаман. Он смотрит вверх и усмехается.

Пожилый раввин где-то в Израиле. Он смотрит вверх и усмехается.

Майкл медитирует и улыбается. Первые такты "Оды к радости".

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ЭФФЕКТ

Мы видим улыбающиеся лица Майкла, шамана и раввина: очевидно между ними установлена связь.

В кадре появляются новые лица – африканский шаман, арабский суфий, буддийский монах, домохозяйка из маленького американского городка, доктор Эйбрахам Бом, английский торговец рыбой, потом дюжина обычных лиц латиноамериканцев, французов, итальянцев, ещё азиаты и т.д. Громкость звучания "Оды к радости" нарастает.

Неожиданно в кадре появляется лицо Три, и, кажется, она узнаёт Майкла. Она лучезарно улыбается.

Панорама детских лиц. Все они в возрасте от шести до девяти лет и представляют все расы и народы планеты. У всех на устах знающие и счастливые улыбки.

"Ода к радости" стремительно продвигается к своей кульминации, а в это время лица детей формируют спираль. Спираль постепенно переходит в спираль галактики.

Среди миллиардов звёзд мы слышим последние аккорды бетховенского гимна миру и единству всех живых существ.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Двух одинаковых равенств не бывает.

Я писал сценарий к фильму *"И обрушилась стена"* в 1988 или 1989 году в Лос-Анджелесе. После нескольких лет, проведенных в Ирландии, Южная Калифорния показалась мне райским садом и там, наряду с обычными человекообразными, которые в изобилии встречаются в любом городе, я познакомился со множеством замечательных и интеллигентных людей. Правда, вскоре мне пришлось узнать, что такое лос-анжелесский смог. А когда произошли кражи со взломом в доме справа от нас и в доме слева от нас, я решил, что больших американских городов с меня хватит, и переехал в горы Санта-Крус. (До этого загрязнение окружающей среды и рост преступности уже выжили меня из Нью-Йорка, Чикаго и Сан-Франциско.)

В теплые зеленые деньки, когда я все еще любил Лос-Анджелес и писал этот сценарий, я озаглавил его *"Человек, который убил Бога"*. Это был своего рода само плагиат, поскольку я уже использовал это название для главы в *"Иллюминатусе"*. Мне кажется, новое название подходит к этому сценарию лучше. Оно пробуждает воспоминания не только о Иерихонской стене из библейского предания, - которая обрушилась в один миг, в мгновение ока, - но также и о стенах коридоров минойского лабиринта, в которых долгое время прятались друг от друга Тесей и Минотавр перед последней битвой. Эти мифы не лежат в основе моего сценария в такой же мере, в какой гомеровская "Одиссея" не лежит в основе *"Улисса"* Джойса, но их действительно роднит с моей историей крепкая пуповинная связь.

Разумеется, я имел также в виду и стены наших индивидуальных туннелей реальности. Основной образ рушащихся стен и внезапной незащитности, или открытости, символически резонирует (по крайней мере, в моем сознании) со знаменитым коаном дзэн:

– Что такое разум Будды?

– Дно, отваливающееся от ведра.

Полагаю, что вам придется представить ведро, наполненное водой, чтобы "врубиться" в эту имажинистскую шутку - или, быть может, вам просто надо припомнить самый потрясающий оргазм за всю вашу жизнь...

Как быстро сообразят читатели-интеллектуалы, в сценарии описываются ужасные события, которые происходят с теми, кто, случайно споткнувшись, проваливается в это безграничное потустороннее сознание без малейшего намерения туда попасть и без всякой подготовки или практического руководства, которое бы им рассказывало, как осуществлять навигацию, когда рушатся стены, распахиваются двери восприятия, а от полки с ментальной картотекой отваливается дно, внезапно освобождая мозг от ограничений "мышления". В том или ином виде этот вопрос поднимается в большинстве моих произведений, поскольку я считаю его одним из самых важных и самых игнорируемых социальных явлений нашего времени. В силу различных причин мы живем в эпоху, когда пограничные стены всех видов - нейрологические, сексуальные, концептуальные, националистические, идеологические - начинают без предупреждения валиться на головы людей, которые никогда и не ожидали, что с ними может такое случиться.

Если магия и мистицизм предполагают сознательные усилия по разрушению кондиционированно-импринтированных "карт" (территориальных императивов "мышления") в наших мозгах, то что могут означать встречи с НЛЮ, ченнелинг, спонтанные астральные путешествия и многие подобные необычные явления, которые происходят с людьми помимо их воли?

Майкл Эллис, "герой" моего повествования, оказывается выброшенным в странный мир, который, как ему казалось раньше, существует только в кошмарах, бульварных газетенках и сериале "Секретные материалы". Поскольку уже несколько миллионов американцев заблудились в этой нейрологической "Зоне 51" (не говоря уже о многих миллионах в других регионах планеты), я думаю, нам следует попытаться понять, что же это такое происходит с человеческой расой в последние несколько десятилетий двадцатого века.

Некоторые ученые пытались оценить, до какой степени "немыслимое" стало явным для современного человечества; я не стану здесь цитировать результаты этих исследований, поскольку общая картина известна практически всем. Что бы нам ни говорила официальная статистика, самое быстро растущее меньшинство на планете состоит из тех, кто уже познал "странное и жуткое" - телепатию, похищения НЛЮ-навтами, невероятные воспоминания, внетелесный опыт, воспоминание прошлых жизней, ченнелинг и т. д.

Неважно, считаем ли мы, что такие случаи происходят в традиционном пространстве-времени или же в каком-то необычном нейро-пространстве: они продолжают происходить все с большим и большим количеством людей.

Никакое "доказательство" того, что такие вещи НЕ случаются в традиционном пространстве-времени, не способно помочь людям, которые пережили такого рода опыт и хотят знать, что все это может значить. Если даже эти люди действительно убеждены, что пережитое ими не происходило в общепринятой линейной реальности, они все равно хотят знать, в какой иной вид реальности они попали, и, не находя рациональных моделей для своего опыта, они волей-неволей цепляются за какую-нибудь модную иррациональную модель.

Ученые, которых беспокоит возрастающая популярность таких иррациональных моделей, или Систем Верований (СВ), должны осознавать, что, до тех пор, пока они не предложат лучшую СВ, самые популярные виды донаучных или ненаучных СВ с каждым годом будут повсеместно становиться еще более популярными. По-моему, я уже когда-то где-то писал, что, когда наука отказывается предлагать объяснения фактам, широкая публика сама выбирает, как эти факты объяснить, пользуясь спектром всех доступных ей ненаучных объяснений.

К примеру, большинство странных событий в этой истории действительно произошло с людьми, которых я знаю (и отчасти со мной самим). Я не отваживаюсь высказывать здесь свое мнение о том, в каком пространстве - физическом или "мозговом" - эти события происходили, но они происходили. В каждом случае я узнавал об этих событиях от участвовавших в них людей лишь после того, как они были знакомы со мной достаточно долго и могли мне доверять, зная, что я тотчас же не причислю их к разряду "спятивших". Порой я думаю, что так же, как средневековые люди боялись обсуждать некоторые явления из страха, что их сочтут "еретиками", современные люди боятся обсуждать такого же рода факты из страха, что их сочтут психами. Мы все же понемногу прогрессируем: "еретиков" сжигали на костре, а худшее, что бывает с "психотиками" нашего времени, - это напичкивание лекарствами в психлечебницах.

*Сомневайся во всем.
Брат Пердурбо, "Книга Лжи"*

Первый раз я увидел "летающую тарелку" в Бруклине во время первой волны "тарелочного" бума летом 1947 или 1948 года. Мои родители и я, сидя на нашей веранде, заметили, как "тарелка" летит по небу, довольно медленно, и наблюдали за ней около трех минут, пока ее не заслонили более высокие здания центральной части города. В свои пятнадцать или шестнадцать лет я счел это чрезвычайно захватывающим и захотел сделать ситуацию еще более интересной, сообщив об увиденном в полицию или в газету. Мои родители наотрез отказались допустить что-либо подобное и сказали, что мне никогда не следует рассказывать об этом даже своим друзьям. Наверное, я могу наилучшим образом сформулировать их позицию так: "Над людьми, которые видят такие вещи, смеются, а мы не хотим, чтобы над нами смеялись, поэтому будем делать вид, что мы этого не видели".

Поскольку мы никому ничего не сообщили, никакого расследования не проводилось, и я не имею представления, что за штуковину мы в тот вечер видели. Метеозонд? Самолет, огни которого в сумерках расплылись в овальное сияние? Реальный, самый настоящий космический корабль? Светящийся газ? Тепловую "инверсию"? Ни один из этих ярлыков не кажется мне на данном этапе стопроцентно убедительным, так как я просто не располагаю информацией, на основании которой можно о чем-то судить. Все, что мне известно об этой штуковине, заключается в наблюдениях: она выглядела овальной и казалась сверкающей, как какой-то металлический летательный аппарат. Обратите внимание, я не говорю, что она "была" овальной или "была" летательным аппаратом из металла; я сообщаю то, что видел, в чисто феноменологической манере.

(Откровенно говоря, вариант метеозонда сейчас мне кажется наиболее вероятным... хотя я и не утверждаю, что знаю это...)

Я вспомнил здесь эту историю только потому, что она иллюстрирует условные рефлексы большей части человечества на протяжении большинства этапов нашей истории. Перед лицом таинственного, необъяснимого или будоражащего народная мудрость советует нам игнорировать это и надеяться, что это пройдет. (Ирландская пословица гласит: "Если видишь двухголовую свинью, держи язык за зубами".) И чуть ли не единственные люди, не руководствующиеся этим инфофобным рефлексом, принадлежат к богемно-артистическим и прочим "маргинальным" субкультурам. В этих кругах преобладает инфофильская позиция.

Я создал Майка Эллиса крепким инфофобным типом, и показал, как жизнь поневоле толкает его к инфофилии, потому что я считаю его чем-то вроде прототипа Среднего Человека конца двадцатого столетия, а современный опыт, по-видимому, обладает непреодолимой тенденцией перемещать все больше и больше людей от инфофобии к инфофилии, иногда с шокирующей и травмирующей внезапностью.

Позвольте мне дать определение двум ключевым терминам, которые я только что использовал. Как вспомнят читатели "Психологии эволюции", предложенная Лири модель "первоконтурного" (инфантильного, орального) сознания имеет полярность "вперед-назад": мы стремимся двигаться вперед, к Матери, то есть ко всему, что кажется защитой, и отступать назад, прочь, от всего нематеринского, опасного, хищного. Этот уровень сознания повсеместно встречается в эволюции фауны, а у людей он закладывает основу либо новаторско-творческого, либо консервативно-конформистского образа жизни. В своих первых попытках популяризовать идеи доктора Лири я назвал творческую тенденцию неофилией, а конформистскую - неофобией. Совсем недавно я решил, что термины инфофилия и инфофобия более универсальны и более масштабно характеризуют связанные с ними рефлексy.

Чистый инфофоб (а это везде представитель большинства "респектабельных" законопослушных граждан) страстно избегает экзотической пищи, экзотических идей, экзотической одежды, экзотических людей, "проклятых иностранцев", новой технологии, новаторского искусства или музыки, запретных тем, оригинального творчества и пр.

Чистый инфофил остается относительно редким экземпляром на этом примитивном этапе эволюции. Инфофил выискивает новое и экзотическое в пище, идеях, одежде, технологии, искусстве - везде. Пикассо, Джойс, Нильс Бор, Бакминстер Фуллер и все казненные еретики и новаторы человеческой истории - яркие представители этого вида.

Конечно, большинство из нас находится где-то между чистой инфофобией и чистой инфофилией. (Лично я склоняюсь к инфофилии почти во всем, исключая употребление в пищу осьминога, и в этом случае остаюсь нервным инфофобом. Я попробовал его однажды, только однажды. Лучше уж я буду жевать резину с заднего левого колеса моей машины.)

К несчастью для инфофобского большинства, цивилизация развивается на основе все более быстрой переработки информации, а это означает, что те "открытые общества", которые накапливают информацию быстрее, обеспечивают более высокое - во всех отношениях - качество жизни, чем "закрытые общества", в которых преобладает инфофобия.

Родоплеменные общества, в которых многочисленные табу загоняют умы людей в жесткие рамки инфофобии, никогда не выйдут из каменного века, пока или если только не вольтуются в более "открытые" общества.

После прихода Святой Инквизиции в католические страны Европы там никто не сумел обнаружить ни единого нового химического элемента; все новые химические открытия, то есть открытия большинства ныне известных химических элементов, сделаны в протестантских странах.

Даже сегодня результаты деятельности Инквизиции наглядно представлены уровнем жизни южноевропейских (католических) стран в сравнении со странами северной Европы.

Точно так же через семь лет после распада Советского Союза в постсоветских странах по-прежнему сохраняется влияние сталинистского закрытого общества, тормозящего, как балласт, проявление результатов деятельности реформаторов.

Мусульманские народы, хотя и неожиданно разбогатевшие благодаря нефти, все еще демонстрируют общую отсталость по сравнению с более открытыми европейскими обществами.

Как однажды написал Норберт Винер, один из первых двух математиков, давших определение информации и показавших ее значение, "Жить эффективно значит жить, располагая достоверной и полной информацией."

Бррррр!

Роберт Браунинг, "Монолог испанского затворника"

По слухам (которые кажутся мне весьма сомнительными), у китайцев есть такое проклятие: "Чтоб ты жил в интересные времена!" Сомневаюсь я потому, что невозможно сказать такие слова человеку, который не живет в одни времена с вами; но тем не менее я ощущаю мудрость, скрытую в этой тонкой восточной иронии.

Никто уже не сомневается, что мы живем в интересные времена, или в том, что с каждым годом они становятся все интереснее.

Если в США средства массовой информации заменили собою суд присяжных (вспомните дело О. Дж. Симпсона), то палестинцы, как это ни удивительно, снова обрели свое государство. И пока что оно относительно мирно сосуществует со своим израильским соседом.

Если Ирландская Республиканская Армия прекратила переговоры и снова вернулась к терроризму, то она сможет отказаться от терроризма и снова сесть за стол переговоров в следующий вторник после ленча. Если захочет.

Сообщения о НЛО, чудовищах, обитающих в озерах, снежном человеке и проч. не прекращаются, несмотря на все опровержения официальных властей.

Грандиознейшее событие последнего десятилетия - распад Советского Союза - произошло совершенно мирно, без насилия: первая ненасильственная революция такого масштаба за всю человеческую историю, охватившая территорию от Берлина до Сибири.

Граждане США ныне страдают от сверхъестественного унижения, сдавая мочу по месту работы, - такая разновидность тоталитарного идиотизма не могла даже присниться Кафке или Оруэллу!

В настоящее время в ряде университетов финансируется проведение научных исследований, связанных с "околосмертным" и "внетелесным" опытом.

Интернет все больше и больше превращается в "планетарный мозг", который некогда существовал лишь в воображении таких фантазеров-ученых, как Тейяр де Шарден и Артур Кларк; а Конгресс США стал мишенью для панических нападков в связи с фактом наличия в некоторых отделах этого мозга "порнографических" фантазий. (Знаете ли вы любой другой мозг, в котором их нет?)

Один японский консорциум планирует построить фешенебельный отель в открытом космосе.

В "Секретных материалах", самом популярном сериале на американском телевидении, ныне вызвавшем шумную сенсацию и в Англии, рассказывается о правительственных заговорах, которые еще десятилетие назад могли восприниматься всерьез разве что "психами".

Вы уже об этом слышали, но теперь задумайтесь: Нельсон Мандела перешел из тюремной камеры в президентский кабинет всего за семь лет!

Совсем недавно весь мир смотрел по ТВ концерт, в котором умерший Джон Леннон пел вместе со своими тремя живыми друзьями.

Ирландия, считавшаяся "более католической, чем сам Папа", в 1988 году легализовала контрацепцию, а в 1995 - разводы.

Все меньше и меньше американских семей могут выжить, когда в семье только один кормилец. Все более и более распространенными становятся браки, в которых оба партнера работают.

По мере эскалации Войны Против Некоторых Наркотиков применение этих наркотиков тоже растет. Кое-кто кое-где серьезно недопонимает ситуацию.

В мартовском номере "Интернет Уорлд" за 1996 год прямо говорится, что "Соединение компьютеров и телекоммуникаций - это тот толчок, который неизбежно приведет к экономическим и политическим землетрясениям".

Чем дальше, тем больше мы живем при технологии, в которой наши так называемые правители не настолько хорошо разбираются, чтобы каким-то образом попытаться ее регулировать.

В небе висают черные вертолеты, и некоторые думают, что они предназначены лишь для обнаружения запрещенных сельскохозяйственных посевов, тогда как другие считают их первой волной вторжения инопланетян. Мне кажется, потоки информации уже сейчас перегружают наши контуры и нам придется мутировать, чтобы выжить. Эта нейрологическая мутация уже началась, причем в большинстве своем принимая странные и часто абсурдные формы, но вряд ли в наших силах остановить этот процесс на данном этапе. Как я пытался доказать в своих нехудожественных книгах и драматически подчеркнуть в художественных, то, что мы воспринимаем, зависит от того, что мы считаем возможным. Если изменяются наши представления о возможном, изменяется и наше восприятие. Некоторые наши новые восприятия не выдержат эволюционного тестирования; другие же будут господствовать в человеческом мире в следующем столетии. То, что некоторые называют моим "кошунственным оптимизмом", просто основывается на моем фундаментальном агностицизме. Мы еще не знаем, к чему приведет эта всемирная трансформация, поэтому, мне кажется, глупо и недостойно человека кричать на каждом углу о мрачных альтернативах и решительно игнорировать утопические возможности, которые сегодня кажутся в равной степени вероятными. (А, как показывают уроки прошлой эволюции, даже чуть более вероятными.) Я считаю, что поздно по-прежнему цепляться за христианский или постхристианский мазохизм. Давайте наберемся смелости мыслить в менее невротических категориях. Звезды ныне сияют так, словно ждут нас.

*Фридом, Калифорния
18 января 1997 г.*